

66,017
766

Я.И. Трещенок

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИДЕОЛОГИЯ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕЯ**

**РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ**

Я.И. Трещенок

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИДЕОЛОГИЯ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕЯ

685927

РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ

Могилев
МГУ им. А.А. Кулешова
2006

БІБЛІОТЕКА
Матэлёўскага
дзяржаўнага
універсітэта
імя А. А. Кулашова

УДК 323(476)(07)
ББК 66.3(4Беи)я7
Т66

Автор
старший научный сотрудник
научно-исследовательского сектора
Могилевского государственного университета
им. А.А. Кулешова, доцент *Я.И. Трещенок*.

Рецензенты:
первый проректор МГУ им. А.А. Кулешова,
д-р филос. наук, проф. *М.И. Вишневский*;
проф. каф. историко-культурного наследия Беларуси
Республиканского института высшей школы,
д-р ист. наук *Н.С. Сташкевич*

Трещенок, Я.И.

Т66 Государственная идеология и национальная идея Республики Беларусь / Я.И. Трещенок. — Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. — 135 с.
ISBN 985-480-297-3.

В издании рассматривается соотношение понятий «государственная идеология», «национальная идея», «политика», «идеология», «наука». Автор представляет оригинальную собственную трактовку как государственной идеологии, так и национальной идеи современной Республики Беларусь, делая при этом критический обзор ранее вышедших работ, посвященных данной проблеме.

Адресуется студентам вузов, учителям, преподавателям, научным и практическим работникам.

УДК 323(476)(07)
ББК 66.3(4Беи)я7

ISBN 985-480-297-3

© Трещенок Я.И., 2006
© МГУ им. А.А. Кулешова, 2006

Введение

Приступая к изложению и разъяснению любого феномена природы и общества как рационально постижимого явления (существуют и надприродные, мистические и богословские, толкования, которых мы здесь не касаемся), следует прежде всего условиться о применяемой терминологии, о смыслах, заключенных в тех или иных терминах. И особенно это важно для учебной литературы.

Если в один и тот же термин разные авторы вкладывают существенно разное содержание, и даже, более того, один и тот же автор поступает так в разных контекстах, никак не оговаривая возникающих разночтений, то это не может не снижать учебную эффективность таких текстов. Это не может не запутывать читателя в словесных дебрях и, в конечном итоге, не отталкивать его. Поэтому всякое изложение надо начинать с определения используемых терминов.

В любом определении следует предельно кратко и четко сформулировать сущностные черты определяемого явления, не растворяя главное среди второстепенного. Это должна быть предельно обобщенная **формула**. И лишь после того, как эта формула четко

обозначена, можно приступать к рассмотрению вытекающих из нее разнообразных следствий.

Наши обществоведы слишком часто забывают сформулированный еще в XIV в. принцип «бритвы Оккама»: «не умножай сущности без необходимости». В английской философской традиции этот принцип поясняют так: если в необычно ранний час к вам постучали в дверь, не следует думать, что к вам пожаловала с визитом королева. Хотя такое приключение и не противоречит законам природы, разумнее все же предположить, что это или почтальон, или обознавшийся дверью прохожий.

Применительно к нашей теме «бритву Оккама» можно пояснить и следующим образом: не следует вводить новых терминов, если они не несут нового содержания и являются лишь новой словесной оболочкой давно известных понятий. Нагромождение новых терминов без необходимости — вернейший признак «научообразия», безосновательных претензий на оригинальность и ведет лишь к запутыванию ясных вещей. Такие авторы, как говорил один чеховский герой, «образованность свою хотят показать», а в итоге не проясняют, а затемняют изложение. Вышедшие в последнее время сочинения, претендующие на изложение государственной идеологии Республики Беларусь, нередко страдают этой болезнью.

Еще одна болезнь такого рода литературы — абстрактность изложения «вообще», без конкретных

примеров. Но любая теория суха и неудобоварима, если она не поясняется наглядными примерами из области практической жизни. Всякий ответственный вывод должен сопровождаться обязательным «на-пример».

Конечно, это связано с риском задеть некоторых заинтересованных лиц. Но волков бояться — в лес не ходить. Любое гуманитарное знание кого-то задевает. И как можно говорить о политике, не задевая никого из реальных политиков? Зато такой текст будет интересным и его будут читать. Конечно, речь должна идти о доказательных фактах, а не о сплетнях, слухах, тем более инсинуациях, на которые падки некоторые авторы. Например, утверждения Л.В. Лойко: «Поблѣк за эти годы и образ России, война в Чечне и террористические акты в Москве и других российских городах холодным душем освежили сознание горячих сторонников белорусско-российского единения... Неудачи строительства союзного государства и экономические противоречия в отношениях между Беларуссией и Россией окончательно (!) сняли эмоциональную (положительную) нагрузку в двухсторонних отношениях. Смикшировалась постепенно и идея славянского единения...»¹. И еще: «Рассыпалась созданная историками Российской империи и поддержанная официальной историогра-

---

¹ Лойко Л.В. О государственной идеологии и национальной идее. Мн., 2004. С. 15–16.

фией СССР концепция истории Беларуси в виде тысячелетней драмы, цепи иностранных завоеваний и угнетений, беспощадной эксплуатации белорусов и классовой борьбы...»² — перл своего рода. Здесь за факты выдаются страстные мечтания определенных кругов, желаемое ими выдается за сущее. Насколько эти утверждения далеки от реальности, абсолютно очевидно каждому, кто серьезно наблюдает за жизнью Республики Беларусь, а не погружен в химеры националистических оппозиционных кружков. Не говоря уже о вопиющей безнравственности ссылок на теракты против мирного населения как на фактор отчуждения Беларуси от России. Для нормального нравственного человека это, наоборот, призыв к солидарности.

Для многих учебных работ, посвященных государственной идеологии Республики Беларусь, характерно растворение заявленного предмета исследования фактически во всем комплексе общественных дисциплин. Так, Я.С. Яскевич прокламирует свое пособие как «целостный и взаимосвязанный комплекс знаний из области таких гуманитарных дисциплин, как политология, философия, история права, экономическая теория, психология»³. На такое и

---

² Лойко Л.В. О государственной идеологии и национальной идее. Мн., 2004. С. 17–18.

³ Яскевич Я.С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты. Мн., 2003. С. 3.

сами Гегель с Марксом не претендовали, разве что «Краткий курс истории ВКП(б)». Конечно же, ни о каком «целостном и взаимосвязанном комплексе» в данном случае говорить не приходится. Это, скорее, эклектическая компиляция.

Авторы учебного пособия «Основы идеологии белорусского государства» (Минск, 2004) таких претенциозных заявлений не делают, но и их труд фактически является окрошкой из фрагментов разных общественных дисциплин и не представляет собой какой-либо целостности. То, что получилось, весьма напоминает приснопамятные курсы «научного коммунизма», но там хотя бы все подобные кусочки были нанизаны, как на шампур, на стержень коммунистической утопии, представляемой как взыскуемое светлое будущее всего человечества. Здесь же стержень отсутствует. Каждый из 24 (!) авторов, в лучшем случае специалистов в своей узкой области, представляет таким стержнем, именуемым «идеологией белорусского государства», именно свой предмет. Сколько авторов, столько и стержней. В итоге неопределенное множество, ибо дифференциация гуманитарного знания продолжается и нарастает, а интегрирующих идей маловато.

Такая структура учебного пособия ведет к многочисленным повторениям, дублированию разными авторами одних и тех же положений, нередко неоднозначно толкуемых. Это ведет не только к «затемнению» текста, но и к его неоправданному разбуханию.

В результате к небольшому по объему спецкурсу (16 часов лекций и 8 семинаров) предлагается «кирпич» в полтысячи страниц большого формата. Только за счет устранения повторов объем пособия мог быть значительно уменьшен, но это вряд ли возможно при наличии 24 авторов.

Знания по политологии, философии, правоведению, экономической теории, психологии и т.д. целесообразно излагать в соответствующих курсах учебного плана. А в пособии, посвященном государственной идеологии и национальной идее, именно эти феномены и должны всесторонне рассматриваться. Экскурсы в другие дисциплины можно делать лишь постольку, поскольку они необходимы для разъяснения основной темы.

И, наконец, еще одно важное обстоятельство. Учебное пособие на столь ответственную тему должно формировать не просто «комплекс знаний», а **убеждения** читателей. А всякое убеждение, будучи воспринятым, не может оставаться чисто рациональным феноменом. Все действия человека имеют эмоциональную окраску, и всякое убеждение несет в себе элемент веры. Мало знать, надо верить, чтобы бороться за что-либо. И вера, как эмоциональный феномен, глубже захватывает человека, чем рациональное знание. Вера не слышит рациональных опровержений, чтобы разувериться, нужно испытание практикой и обязательно другая вера. Вот почему люди плохо учатся на чужих ошибках, чтобы научить-

ся, приходится делать свои. А способность учиться на чужих ошибках — один из признаков политического лидера, возвышающий его над простыми смертными.

Именно потому, что идеи могут приобретать характер веры, они способны овладевать массами. А овладев массами, превращаются в материальную силу, этими массами движущую. Без эмоционального «соуса» никакие теоретические рассуждения не усваиваются. Самые прекрасные идеи можно погубить бесстрастным, протокольно-канцелярским стилем изложения. А именно такой стиль правит бал на страницах учебников, скомпонованных из усредненных текстов множества авторов. История педагогики свидетельствует: эффективными могут быть только авторские учебники, обязательно несущие на себе выразительный отпечаток неповторимой личности автора. Только так можно приблизиться к необходимому сплаву рационального убеждения и эмоционального внушения, без чего не получится необходимого восприятия текста. Важно и не «пересушить» изложение теоретическими абстракциями, и не впасть в «пропагандистский раж». Необходимо правильно расставить акценты между позитивными и негативными проявлениями нашей действительности, не преувеличивая первых и не замалчивая вторых. И при этом ненавязчиво, но убедительно обосновывать прогрессивный, по мнению автора, вектор развития общества и государства. Перехлесты в ту или другую

сторону непродуктивны и могут произвести эффект, обратный желаемому.

Предлагаемый очерк не ставит цели подробного критического разбора существующей литературы по теме, отдельные замечания полемического характера делаются лишь по отношению к некоторым положениям, которые представляются научно некорректными или спорными. Авторская цель — предельно кратко изложить и обосновать свое видение проблемы, которая, разумеется, не претендует на окончательное решение. И возможно ли вообще такое окончательное решение? Тем не менее, автор убежден: если составитель учебного пособия только излагает чужие мнения и не заявляет о своем собственном, он расписывается в научной несостоятельности.

А. Кулешова

ГЛАВА I

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

«Идеология» — буквально «учение об идеях» (греч.). «Идея» — мысленный комплекс, набор упорядоченных мыслей, что-либо разъясняющий, могущий служить ориентиром и руководством в умственной и физической деятельности человека (идея может быть и практически-поведенческой, и философской, и научной, и религиозной и т.д.). Именно в этом прямом смысле термин «идеология» был введен в научный оборот французскими просветителями XVIII в., прежде всего для обозначения комплекса идей буржуазного Просвещения. Однако впоследствии он был закреплен в научной практике как обозначение прежде всего совокупности идей политических, властных, выражающих отношение к власти. Таким образом, термин «идеология» стал пониматься и в широком смысле, как совокупность любых идей, и в узком — как совокупность идей политических, властных. И каждый автор должен оговаривать, в каком смысле он употребляет данный термин.

Идеология в широком смысле беспредметна, ибо вмещает в себя все, что угодно. Идеология в узком смысле выступает как теоретическое выражение политики, мотивировка интересов и выгод участвующих в политической борьбе социальных субъектов, страт (слоев) и социальных групп, на которые делится данное общество, и их лидеров. Именно в этом смысле мы и будем употреблять термин «идеология». При этом следует помнить,

что осуществляющие политику деятели часто претензуют на всеобщность, приписывая себе представительство интересов всего народа, нации, а то и всего рода человеческого, маскируя свои подлинные групповые и личные устремления. Политика всегда скрывает и мистифицирует свою сущность. И субъективные заблуждения отдельных политиков относительно своей миссии здесь ничего не меняют. Хотя в любой идеологии могут быть элементы, объективно выгодные всей нации, и даже всему человечеству, но только элементы, и элементы, всегда подчиненные интересам групповым и личным. Ни одна общественная группа в принципе не способна полностью выражать интересы общества в целом. К выражению такого общего интереса — в данное время и в данном отношении — может приближаться, в той или иной степени, равнодействующая, олицетворяющая некий компромисс между всеми существующими на политической палитре силами. И то лишь постольку, поскольку эти силы представляют всю наличную социальную структуру общества, что на практике никогда полностью не достигается.

Самая трагическая ошибка великого Маркса может быть выражена в трех словах: «историческая миссия пролетариата». Маркс решил, что люди, которым нечего терять, кроме собственных цепей, освобождая себя, освободят весь мир. Но низведенный до полуживотного состояния придаток к машине не

может представлять даже самого себя — неизбежно находятся «представители», которые начинают говорить от его имени, но в собственных интересах. Сам он способен лишь на слепой бунт, когда переполняется чаша терпения. Что из всего этого получается, хорошо показали великие потрясения XX в. Человек, которому нечего терять, может быть только слепым орудием в чужих руках. Ну а если есть что терять, несмеленно формируются групповые интересы, направленные на собственную выгоду, а не на спасение человечества...

Подобно буржуазным просветителям, марксизм также претендовал на представительство общечеловеческих интересов, делил идеологию на прогрессивную и реакционную, выдвигая критерием собственные представления как «единственно научные», изобрел «научную идеологию» (что есть оксюморон типа «жареного льда») и «идеологическую надстройку», куда зачислил не только собственно идеологию, но и всю духовную продукцию человечества (философские, научные, религиозные идеи, искусство, мораль), которая несет на себе идеологические воздействия, но сама по себе идеологией не является — в принятом самим марксизмом политическом смысле.

Автор далек от модных ныне попыток огульного развенчания марксизма. Марксизм — великое достижение общественной мысли, и его познавательные возможности еще далеко не исчерпаны.

Материалистическое понимание истории, открытое марксизмом, всегда будет существовать. Но его нельзя абсолютизировать, оно не единственно возможное объяснение общественных процессов, а одно из многих, уже открытых или еще не открытых.

Автор скептически относится к сложившейся в нашей литературе традиции деления существующих политических доктрин на консервативные, либеральные и социалистические. Это деление порождено реалиями стран классического капитализма (западноевропейской цивилизации). Но и там они — теоретическая абстракция, никогда не существовавшая в чистом виде. За пределами западноевропейской цивилизационной подсистемы — и подавно. Исторический опыт доказывает: в восточноевропейской цивилизационной подсистеме они вообще не работают, остаются западным «лейблом» на домотканых портках. Политическая идеология всегда существует только в определенных цивилизационных рамках.

В существующих учебных пособиях, посвященных национальной идеологии, много места отводится изложению западных абстрактных доктрин с западными же примерами (то и другое вычитано в западных же книжках), а о нашей собственной идеологии — скороговоркой или вообще ничего. Это напоминает горе-ботаника, который пытается определить растения наших лесов с определителем африканской флоры в руках...

Сказанное не значит, что между идеологиями современности нет сходства. Все они находятся на пересечении нескольких доминантных осей с разными полюсами на концах, приближаясь к тому или другому полюсу. Можно выделить следующие основные оси:

— Ось экономической политики.

Полюса:

- экономическая свобода;
- социальная ориентация экономики (экономическая свобода ограничивает социальные программы, социальные программы ограничивают экономическую свободу).

— Ось общественной организации.

Полюса:

- государство;
- гражданское общество.

Авторитарное государство ограничивает гражданское общество и индивидуальные свободы (демократию), и наоборот, демократия ослабляет государство. Или, что то же самое, общественный национальный интерес, за которым стоит государство, противостоит групповому и индивидуальному.

— Ось собственно идеологии.

Полюса:

- идеократия;
- плюрализм.

На одном полюсе в идеале — безраздельное господство одной идеи (социальной, националь-

685947

Электронная библиотека МГУ имени А. Куляшова

ной, религиозной), а на другом — разноголосица идей. Первое всегда сплачивает, второе разобщает. Первое чревато принуждением, второе — анархией и безответственностью («что хочу, то и ворочу»).

— Ось средств достижения цели.

Полюса:

- радикальный экстремизм;
- умеренный реформизм.

Первый полюс в пределе означает насильственный переворот, революцию («до основания, а затем...»), второй — стагнацию (застой).

Как видим, усиление одного полюса ослабляет другой, необходимо искать некую, всегда подвижную, точку равновесия. Ни один из обозначенных полюсов не может однозначно преподноситься как «прогрессивный» или «реакционный». Можно ли считать прогрессивным демократическое устройство общества (в западноевропейском смысле), а авторитарное (не путать с тиранией!) — реакционным? А смотря где и когда. К тому же, никогда и нигде декларации не совпадали с реальной практикой — по разным объективным и субъективным причинам. Не говоря уже о традиционных для западной цивилизации двойных стандартах: там убеждены, что то, что всегда позволено им, другим не позволено («что позволено Юпитеру, то не позволено быку»). Такие вот юпитеры среди человеческого стада... Демократия, насаждаемая ков-

ровыми бомбардировками и пытками, — разве не отъявленная реакционность?

С другой стороны, авторитарные режимы стран Персидского залива или Юго-Восточной Азии, на порядок улучшившие условия жизни населения своих стран, что для них прогрессивно по любым меркам. Да и в странах традиционной демократии всегда прибегали к авторитарным формам управления в экстремальных ситуациях, и выдающиеся политики, наделенные диктаторскими полномочиями (Рузвельт, Черчилль, Де Голль), спасали свои страны и народы. При этом обязательно надо учитывать цивилизационные особенности, традиции и менталитет разных стран. Так, для славяно-русской цивилизации характерна бескомпромиссность, широкий диапазон колебаний по всем осям измерения социума, во всем мы стремимся дойти до края — маятниковое движение от одной крайности до противоположной. А для западноевропейской более характерно тяготение к «золотой середине», к компромиссу. Что лучше? Опять-таки, где и когда. Способность предельно мобилизоваться не раз спасала Россию в экстремальных ситуациях, которых в ее истории бывало не в пример больше, чем на Западе (часто по вине самого Запада). «Золотая середина» более подходит к эпохам стабильного развития. Так что, нам в экстремальной ситуации переходного общества разрешения надо у кого-то спрашивать, какой политический режим для себя избрать? Или опять то, что

можно было Западу, Востоку нельзя? А вообще на Руси неспроста говорили: что русскому здорово, то немцу смерть (разумея под немцем вообще западно-европейца).

Одним из двух предметов предлагаемого пособия является государственная идеология Республики Беларусь. Насколько правомерно говорить о государственной идеологии? Это правомерно постольку, поскольку всякое государство как аппарат власти является особым социальным субъектом, и как таковой — не тождественно всему обществу. И, следовательно, имеет свои особые интересы, лишь частично совпадающие с интересами общества. Объективно всегда существуют противоречия между государством и гражданским обществом. И чем больше развито гражданское общество, тем более они выражены.

Таким образом, существуют тенденции как поглощения общества государством (такие стремления не раз наблюдались в русской истории), так и государства обществом (к чему стремятся либеральные режимы). Окончательное достижение как первой, так и второй цели невозможно, но соотношение этих устремлений может быть самым разным, и точка компромисса приближается то к одному, то к другому полюсу. В стабильном обществе эти противоречия обычно не выливаются в прямую конфронтацию, а разрешаются совместными усилиями государства и гражданского общества. Однако по мере разреше-

ния одних противоречий неизбежно возникают другие. Это постоянный естественный процесс.

Итак, поскольку идеология есть теоретическая мотивировка интересов, а государство имеет такие интересы, можно говорить о государственной идеологии в узком смысле слова.

Общество (социум) всегда сложно структурировано, и каждая общественная страта (слой), социальная группа, отдельные общественные деятели обладают собственными, не всегда совпадающими интересами. Государство, осуществляя власть, не может в равной степени угодить всем, недовольные будут всегда. Но государство как социальный субъект всегда более сплоченное, может лавировать между интересами других социальных субъектов. Хотя скрытая «аппаратная» борьба группировок и отдельных деятелей внутри государственного механизма обычно также присутствует, и на это могут делать ставки те или иные общественные течения.

В широком смысле слова государственная идеология выражает интересы данного государства по отношению к другим государствам, союзам государств и международным организациям. В данном случае государство берет на себя представительство всего социума и обычно поддерживается им. Однако и в данном случае может существовать оппозиция, враждебная собственному государству. (К сожалению, такое наблюдается и в Беларуси.)

В узком смысле слова государственная идеология не может быть полностью общенародной, поскольку всегда есть борющаяся за власть оппозиция, имеющая поддержку некоторой части народа. И тем не менее, государственная идеология может и в этом смысле отражать в основных направлениях интересы большинства народа, выразить его национальную идею. И тогда приближаться (но только приближаться) к понятию общенародной. В Беларуси это можно наблюдать на примере внутренней политики Администрации Президента А.Г. Лукашенко. Но чаще (увы!) государство служит интересам меньшинства, что мы также наблюдали в Беларуси в период лидерства Шушкевича и К0. Свободные демократические выборы — при достаточном уровне политической культуры населения — обычно четко показывают, какая политика одобряется большинством народа. И яркое подтверждение этому — итоги всенародного референдума 17.10.2004 г., на котором подавляющим большинством голосов была одобрена политика Президента. Оговорка о «достаточной политической культуре населения» необходима, поскольку современные технологии манипулирования массами нередко позволяют своекорыстному меньшинству какое-то время дезориентировать большинство и осуществлять разного рода «оранжевые» перевороты. И противостоять этому без высокой политической культуры сложно.

В широком смысле слова государственная идеология общенародна, поскольку объективно представляет народ на международной арене. В этом случае оппозиция, выступающая против своего государства, ставит себя вне народа, превращается в агента враждебных этому народу сил. (В белорусском случае — и финансируется извне.)

Указанные два аспекта государственной идеологии — внутренней и внешней — нельзя смешивать, хотя между ними и существуют связующие нити. Их неразличение — уже своекорыстная идеология определенных правящих кругов: поддерживаешь внешнюю политику государства, поддерживай и внутреннюю. А это далеко не одно и то же. В любом случае вопросы государственного устройства есть суверенное право народа, и иностранное вмешательство попирает это право. Исключения бывают, но крайне редко (например, свержение кровавого режима Пол Пота в Камбодже).

В суверенном государстве внешняя политика определяется его международным положением и менее вариативна, в то время как внутренняя политика и ее теоретическое обеспечение — идеология — определяются внутренним раскладом социальных сил и более подвижны.

Государственная идеология всегда прагматична (хотя в ней в той или иной мере должны присутствовать идеальные элементы верности, бескорыстия, взаимопомощи и т.д.). Политика, прежде

всего, искусство возможного в данной конкретной ситуации. (Здесь необходима оговорка: для большого политика возможным иногда становится и то, что для большинства заурядных представляется невозможным.)

Нередко государственную идеологию отождествляют с национальной идеологией. Мы видели, что применительно к внешней политике государства это верно, но не так просто с политикой внутренней. Чтобы не было недоразумений, необходимо уточнить, как понимать термины «нация» и «государство».

Существуют два определения понятия «нация». Во-первых, гражданское определение. Оно родилось во Франции в годы Великой буржуазной революции (в более отдаленные времена мы здесь углубляться не будем) и определяет нацию (лат. *patio* — народ) как общность всего населения страны — граждан, принимающих принципы этой революции: свободу, равенство и братство, независимо от их этнического происхождения. Враги революции оказывались вне нации. Теперь такую общность называют **политической нацией**, или **гражданской нацией**.

В Восточной Европе, где существовали полиэтнические империи, внутренняя социальная борьба приобрела этническую окраску. Под «нацией» здесь понимали именно этническую общность. Поэтому на Западе под термином «национальность» стали

понимать гражданскую принадлежность человека, гражданство, подданство (в странах с монархической формой правления), а на Востоке — этническую принадлежность (пресловутая «пятая графа» в советском паспорте).

Термин «государство» и в обыденной практике, и в научной литературе также употребляется в двух смыслах. Во-первых, как синоним понятия «страна» — ограниченная государственными границами территория, на которую распространяется суверенная (верховная) власть данного государственного аппарата. А во-вторых, государством называется сам этот аппарат как организация власти и как социальный институт. Во втором значении государству противостоит «гражданское общество» — совокупность негосударственных общественных организаций и отдельных правоспособных граждан.

Итак, все граждане данной страны, независимо от этнического происхождения, составляют единую политическую нацию. И государство-страна, и населяющая ее нация обыкновенно получают название государствообразующего (титульного) этноса, язык и культуру которого усваивают все составляющие политическую нацию этносы, наряду с собственными своими языками и культурой. Так, наша страна называется Беларусью, хотя, кроме составляющих большинство белорусов, ее населяют представители многих иных этносов. А проживающая в Беларуси полиэтническая по составу нация называется бе-

лорусской нацией. Соответственно белорусский этнос составляет только ядро белорусской политической нации и не тождественен ей в целом. При этом русско-белорусское двуязычие белорусского этноса является его огромным преимуществом, содействующим сплочению белорусской политической нации. Ибо все этнические группы, проживающие в Беларуси, вынесли из общего союзного государства — СССР — знание русского языка как языка межнационального общения.

Понятие политической нации гораздо лучше выражает интересы не только государства-страны, но и населяющих его разных этносов. Ведь процветание любого этноса в рамках любого государства достигается в доброжелательном сосуществовании, а не во враждебной конфронтации с другими этносами, порождающей национализм и сепаратизм. А моноэтнических государств в современном мире практически не существует. На более чем 3 тыс. этносов приходится всего лишь около 200 государственных образований разного уровня. И не приходится рассчитывать на существенное увеличение этого числа. Этнос как солидарная общность внутри политической нации правомерно сплавливается этнической культурой, а не политическим сепаратизмом, который выгоден только своекорыстным группам, претендующим на исключительное представительство всего этноса и на свою власть над ним. Культура объединяет, сепаратизм — разобщает.

Этническая политика некоторых государств, признающих принадлежащими к своей нации только родственных «по крови» людей, бесперспективна. Например, политика ФРГ, признающая немцами, имеющими право на немецкое гражданство, только лиц, у которых хотя бы один из родителей хотя бы по одной линии был этническим немцем. Там уже столкнулись с неадекватностью этого подхода, породившего многочисленные проблемы. Такие «немцы», эмигрировавшие в Германию из стран СНГ, на деле оказались совсем не немцами, как это понимается коренным населением страны. Эти люди были и остались частью российской политической нации. В заблуждение были введены и настоящие немцы и эмигранты.

Еще более противоречивой и тупиковой является этническая политика государства Израиль, провозгласившего себя государством только этнических евреев (только по материнской линии) и иудаистов — по вероисповеданию. Остальные группы населения (в том числе и евреи-христиане или атеисты) оказываются в неравноправном положении. Такое этноклерикальное государство-островок обречено на вечную конфронтацию с окружающим его мусульманским миром. Оно может выжить, только трансформируясь в нормальную полиэтническую нацию с еврейским титульным этносом.

Можно припомнить еще и Латвию с Эстонией, где русскоговорящие, до 40% всего населения, —

униженные — не граждане», «негры», как их окрестили в народе. Это настоящая мина под латвийской и литовской государственностью.

Как ни парадоксально, на первый взгляд, но в наименьшей степени истинные интересы этноса способна выражать именно та идеология, которая прямо на это претендует, — идеология национализма. Дело в том, что всякий национализм абсолютизирует этнические различия, обособляет этнос и противопоставляет его всем другим этносам, даже самым близкородственным. Он эгоистичен по определению и имеет тенденцию сползать к шовинизму — озлобленному неприятию, а по мере возможности, и к прямому подавлению других этносов. Он объективно строится, что бы ни говорили его агенты, не на любви к своему народу, а на ненависти к другим. Ведь в повседневной политике «народ» — абстракция, это сложная структура слоев и групп с несовпадающими интересами. Как некая единица «народ» предстает только в противостоянии другим народам, когда все различия сводятся к этнической принадлежности, что бывает только во время «горячих» и «холодных» войн (грань между которыми всегда размыта). Разумеется, если понимать «народ» прежде всего как этническую общность. Но именно так и воспринимают это понятие националисты. Не случайно говорят, что национализм — это последнее прибежище негодяев и что национальным (в смысле «этническим») досто-

инством озабочены прежде всего люди, лишенные всех остальных достоинств. Поэтому националисты всегда «борцы», они непрерывно «борются», находясь в состоянии объявленных и необъявленных войн со всем миром, и движения их — «фронты». Союзники у них могут быть только в «борьбе» (по принципу «враг моего врага — мой друг»). Националист готов пожертвовать глазом, чтобы соседу выкололи два... Поиск и разоблачение врагов — его любимое занятие. Отсюда и вечный коллаборационизм националистов, готовность идти ради своих целей на сделку хотя бы и с самим сатаной, готовность легко пожертвовать и собственным народом, если он не принимает их идеологии и их самих в качестве «национальной элиты».

Так, в статье «Мёртвы напрамак» Ю. Станкевича в органе Союза писателей Беларуси — газете «Літаратура і мастацтва» (ЛіМ) за 18.08.1995 г. утверждается, что достойны жить в Беларуси «хотя бы 500 тыс. живых», к которым, по его мнению, относятся только сознательно проголосовавшие на референдуме 11.05.1995 г. «против», а остальные 9,5 миллиона предоставить своей участи «базарных мух». Этот замечательный образец саморазоблачительного стриптиза ярко раскрывает людоедскую суть национализма, неизбежно приходящего к расизму (в статье есть пассажи о сохранении с оружием в руках «сваёй этнічнай чысціні»). Причем права судить о своей этнической принадлежности

сами люди, составляющие народ, заведомо лишаются, эта исключительная прерогатива — отделять чистых от нечистых, «мертвых» от «живых» — безоговорочно присваивается «свядомай элітай» самой себе. Это они с высот национального духа призваны решать, кто овцы, а кто козлища. Но мир полиэтничен и полинационален, и истинные долгосрочные интересы любой нации, любого этноса заключаются в том, чтобы в первую очередь найти свое место в мирном содружестве с другими нациями, другими этносами, а не в противопоставлении себя им.

Сейчас модно рассуждать о взаимовыгодном сотрудничестве, делая ударение на слове «выгода». Но добрососедство не может строиться лишь на выгоде (это так даже в животном мире, а не только в человеческом). Оно обязательно предполагает и взаимопомощь, и известную долю бескорыстия, даже ущемления собственных интересов во благо других. Бескорыстие никто не имеет права у других **вымогать**, но каждый должен его **добровольно проявлять**. Только это отвечает как истинному добрососедству, так и высшим интересам человечества как рода. (В настоящее время можно наблюдать, как правители некоторых бывших братских республик, много получивших от России во время их нахождения в СССР, продолжают вымогать у нее льготные, а то и вовсе бесплатные поставки энергоносителей и других стратегических товаров, платя

за это только словами о «дружбе», а часто и черной неблагодарностью. Яркий пример – Грузия, и не только она...)

Национализм – вчерашний день политики, ее болезнь (хотя, похоже, мы теперь наблюдаем настоящую эпидемию этого недуга). Но после всякой болезни организм выздоравливает. Если выживает, следует уточнить к сведению заядлых «борцов».

Разумеется, идеология этнического сотрудничества, как лишенная групповой ограниченности, не может сформироваться в замкнутый идеологический комплекс, подобный идеологии национализма. Это, скорее, часть национального идеала любой зрелой нации (и показатель ее зрелости), и как таковая должна учитываться всеми групповыми идеологиями. Стремление к воплощению такого идеала – один из программных элементов любой идеологии. Кроме несовместимой с ним националистической, для которой враждебна любая идеология, не признающая претензий националистов на исключительное представительство этноса. Национализм духовно тоталитарен и сходится в этом отношении с «пролетарским интернационализмом».

Итак, может ли существовать идеология нации как теоретическое выражение ее истинных интересов, т.е. интересов, обеспечивающих ее долгосрочное и устойчивое процветание в нашем бурном мире? Из предложенного анализа понятия «идео-

логия» ясно: такая идеология возможна только в широком смысле этого понятия, т.е. применительно к международному положению нации, где она выступает как единый социальный субъект. Но в политике внутренней (внутри самой нации) она таким субъектом не является. История свидетельствует: поскольку любая реальная политическая нация сложно структурирована, состоит из сложно взаимодействующих слоев-страт, больших и малых социальных групп, социальных институтов, включая государственный аппарат, наконец, разных этносов, и ни один из этих социальных субъектов не может последовательно стать на позицию всего общества, т.е. совокупности всех социальных субъектов, постольку единой национальной идеологии быть не может. Могут быть частичные совпадения интересов, социальные компромиссы и социальные противостояния и т.д. И все это, являясь сферой политики, теоретически обосновывается идеологами. И нередко выдается за национальную идеологию, оставаясь на деле всегда групповой идеологией.

Возвыситься надо всеми и выразить именно общенациональный интерес способны только гениальные одиночки. И такие гении вырабатывают даже не идеологию как программу практических действий (за исключением, может быть, критических экстремальных ситуаций, всегда предельно упрощающих положение и сводящих многообразие интересов к

простому выживанию), а **национальную идею**, точнее, **национальный идеал**, который может служить общенациональным ориентиром. Такой ориентир, если он принимается национальным сознанием, будут вынуждены принимать все сущие в обществе групповые идеологии, чтобы добиваться более или менее прочного успеха. Однако сам по себе, в «чистом виде», национальный идеал невоплотим, как и всякий идеал. И тем не менее, только стремление к национальному идеалу, отвечающему глубинным чаяниям данного народа, делает политику национальной — в идеальном смысле.

Мыслимы, как редкое исключение, и гении, способные подняться на самый высший общечеловеческий уровень и сформулировать общечеловеческие идеалы, еще более трудновоплотимые, и тем не менее, в конечном счете, общеобязательные на определенном уровне взаимодействия народов, государств и групп государств.

Итак, национальная идея — теоретическое выражение долгосрочных (стратегических) устремлений данной политической нации, вектор ее движения в будущее, ее идеальные цели, выраженные в системе общепринятых, а потому и общеобязательных национальных ценностей. И не следует смешивать национальную идею с идеологией. Политика и ее теоретическое обоснование — идеология носят вариативный характер, они меняют свой вектор в соответствии с меняющимися обстоятельствами.

Национальная идея — образование устойчивое, настолько устойчивое, насколько устойчива в этом мире сама нация. Политика повседневно творится политиками, национальная идея вызревает в недрах народного сознания, ее нельзя изобрести в кабинетах. Ее нужно извлечь из целостного народного сознания и теоретически сформулировать. И это могут совершить лишь национальные гении. А всесторонне разработать и обосновать прозрения гениев, опираясь на всестороннее объективное изучение народа, возможно только усилиями всей гуманитарной науки, а не неких профессиональных «идеологов».

Национальная идея не может строиться на узко этнических основах титульного этноса, в этом случае она рискует переродиться в националистическую, ведущую в безысходный тупик. Попытки многих белорусских культурных деятелей построить национальную идею на белорусском этнографическом материале, разбавленном небелорусской государственной историей Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, на отталкивании от других восточных славян, прежде всего от великорусов, и на некритическом заимствовании чужеродных западных политических доктрин — заведомо обречены на провал. Такую систему ценностей белорусский народ, оставаясь самим собой, никогда не воспримет. Это типичная «кукла», как называют мошенники стопку нарезанной по размерам денежной купюры

оберточной бумаги, прикрытую для маскировки сверху и снизу несколькими настоящими купюрами. Подобной «куклой» и пытаются так называемые «свядомыя» политики расплатиться с простаками за дорогостоящую покупку — государственную власть в Республике Беларусь. Но трезвомыслящий белорусский народ на подобную идейную «куклу» не купить. Он на подсознательном, ментальном уровне ощущает, где его подлинные устремления, а где реваншистские устремления людей, вольно или невольно остающихся на позициях ренегатской белорусской шляхты, отрекшейся от своего народа, его веры, культуры и языка. А теперь идейные наследники этих людей претендуют на роль национальной элиты.

Национальная идея любого народа основывается на его цивилизационно-культурной принадлежности. Фундамент и порождающая матрица этой принадлежности изначально задаются восприятием той или иной мировой религии, которая адаптирует предшествующие первобытные языческие верования. Белорус сегодня может исповедовать любую религию или быть атеистом, но белорусом его делает реальная принадлежность к генетически восточнохристианской подсистеме европейской цивилизации и восточнославянской (общерусской) культуре, неотъемлемой частью которой является и белорусская культура. Если она действительно белорусская, а не подкрашенная в белорусский колер

чужеродная идейная «кукла». Разумеется, белорусом себя может ощущать и выходец из иной этнической группы и иного цивилизационного поля, если он органично воспримет белорусские ценности.

Именно поэтому на статус национальной религии белорусов может претендовать только восточнославянское православие, а на статус национальной церкви только белорусская православная церковь (хотя в светском государстве, которым является Беларусь, этот статус и не дает никаких правовых привилегий перед другими зарегистрированными в стране конфессиями).

Нельзя смешивать этническое происхождение и этническую принадлежность. Этническое происхождение у всех у нас смешанное, «чистые линии» бывают лишь в собачьих питомниках и у лабораторных мышей. Этническое происхождение можно установить объективным путем, но этническая принадлежность субъективна. Ведь осознание этнической принадлежности — это **вера**, человек принадлежит к тому этносу, к которому он искренне себя причисляет. И нет другого способа узнать этническую принадлежность человека, как спросить его: кем ты себя считаешь? Поэтому все переписи населения в мире фиксируют этническую принадлежность **слов** учитываемого гражданина, не требуя каких-либо документальных подтверждений.

Кулешова

ГЛАВА II

ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ, НАУКА. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В учебной литературе делаются попытки представить идеологию некоей особой наукой, каковую и должно преподавать студентам. Что из этого получается на практике, мы рассмотрели. Но дело в том, что, хотя идеология и оперирует выработанным наукой понятийным аппаратом и широко использует выводы разных наук, сама по себе она наукой не является. Как указано выше, идеология в узком смысле слова есть теоретическая мотивировка политики (идеология в широком смысле, как комплекс любых идей, беспредметна). А политика есть область властных отношений — борьба за завоевание, удержание и упрочение власти, борьба за влияние на нее. В этом смысле нет идеологии «вообще», есть идеология определенных **социальных субъектов**, составляющих общество. И ее цель — обоснование их интересов и выгод. Другое дело, что как социальный феномен идеология сама является предметом исследования ряда общественных дисциплин — политологии, истории политических учений, вообще истории и т.д. Но наука о предмете и этот предмет не тождественны. Например, религиоведение изучает религию как социальный феномен, но само по себе религией не является, а является отраслью гуманитарной науки. Это разные сферы общественного сознания.

Неверно называть идеологию «самосознанием общества». Идеология — лишь его специфическая часть. Самосознание общества достигается через

все сферы общественного сознания — религию, философию, искусство, науку. Уже само наименование труда Я.С. Яскевич, претендующего на изложение государственной идеологии Республики Беларусь⁴, демонстрирует смешение понятий: ни мировоззренческие ценности, ни стратегические приоритеты к идеологии не сводятся. Это скорее область научного обоснования национальной идеи, ей занимается весь комплекс гуманитарных наук. Идеология паразитирует на науке: она питается ее соками, но органической частью науки не является.

При всем наукообразии идеологии от науки ее отличает **цель**: наука стремится к достижению истины, идеология — к реализации групповых и личных интересов и выгод. Наука требует жертвовать выгодой ради истины (в противном случае она перестает быть наукой), идеология всегда склонна жертвовать истиной ради выгоды. Как и всякая борьба, она не может обходиться без попыток манипулирования людьми, без демагогии (невыполнимых обещаний), без обмана (обычно элегантно именуемого «дозированной информацией») и т.п. Все это предопределяет реальные взаимоотношения между наукой и идеологией. Следует иметь в виду и то, что любая общественная наука несет в себе идеологическую компоненту, пос-

---

⁴ Яскевич Я.С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты. Мн., 2003.

кольку прямо или косвенно затрагивает наличествующие в обществе групповые и личные интересы. В некоторых случаях это касается и естественных наук (вспомним идейную борьбу в США вокруг дарвинизма или в СССР вокруг генетики или кибернетики). То, что еще вчера было идеологически нейтральным, сегодня может быть вовлечено в сферу политических интересов, и одними начинает яростно опровергаться, другими восхваляться, третьими корректироваться или даже фальсифицироваться. Научные обобщения, становясь достоянием общественного мнения, неизбежно политизируются, подвергаются искажениям независимо от воли их авторов. Ученый вынужден постоянно решать квадратуру круга: с одной стороны, борясь за истину, он стремится предельно дистанцироваться от идеологии, с другой стороны, нельзя жить в обществе и быть независимым от общества. Ученый сам принадлежит к определенной группе, зависит от впитанных им общественных установок и стереотипов, от работодателя и издателя, от общественного мнения. Находясь на государственной службе, он должен следовать установленным государством стандартам, даже если они не вполне совпадают с его личными убеждениями. Как пойманная в сачок бабочка, он бьется в густой сети оплетающих его интересов, и получить от них хотя бы относительную свободу невероятно трудно.

Историческая наука в этом отношении находится в особенно сложном положении — ведь истори-

ческие данные привлекаются для мотивировки интересов чаще, чем какие-либо другие. Вот почему историк не может абстрагироваться от идеологии даже в процессе работы (как это возможно для естествоиспытателя). Подобно судебному следователю или вторгающемуся скальпелем в человеческий организм хирургу, он постоянно должен помнить: «Не навреди!». Исследуемые им факты должны подаваться во всех возможных и допускаемых источниками опосредованиях, как фрагменты целостной исторической реальности, чтобы предельно сузить возможность их злонамеренного или просто непрофессионального искажения кем бы то ни было. Далее следует помнить, что заблуждения в науке — это даже не столько искажения, неадекватная передача отдельных фактов, сколько их абсолютизация, выпрямление спирали, выдергивание из исторической ткани отдельных нитей, из которых затем сплетается кружево лжи. Как бы ни было дорого историку доставшееся тяжким трудом обобщение, он всегда должен быть готов, опять-таки как судебный следователь, скорректировать его, если этого требуют новооткрытые обстоятельства. Поэтому труд историка очень некомфортен, неблагодарен. Историк всегда для всех тем менее удобен, чем больше он ученый, он неудобен, как неудобна сама истина... Тем более, что ученых-естествоиспытателей, хотя бы в какой-то мере, защищает недоступность для политиков их специальных знаний, в истории же

почитает себя знатоком всякий, способный читать на родном языке. И еще. Чтобы не оказаться в положении некрасовского героя, о котором поэт сказал: «Что ему книга последняя скажет, то на душе у него сверху и ляжет», чтобы не превратиться во флюгер, который вертится по направлению если и не своекорыстных интересов, то очередных модных научных поветрий, историк должен иметь научные убеждения, идеальный вектор своей деятельности. Таким вектором могут быть только выработанные национальными и мировыми гениями национальные и общечеловеческие идеалы. Только они, в конечном счете, не расходятся с Истиной, жрецом которой призван быть всякий ученый — если он действительно Ученый.

И еще одно замечание. Нельзя смешивать сущность того или иного социального явления с технологией его исследования и интерпретации. Например, совокупность приемов исследования обыденного сознания давно обозначается в литературе точным термином «социометрия», и занимается ею **социология** в собственном смысле слова. И незачем изобретать излишние термины-дубликаты (вспомним «бриту Оккама!»). А интерпретацией и популяризацией идеологии занимается **политтехнология**, или идеология в узком смысле слова.

И социология, и политтехнология — вспомогательные, прикладные дисциплины, лишь доставляющие сырой материал для ученых широкого профиля

и государственных деятелей. И выводы этих дисциплин в решающей степени определяются политическим заказом. Государственный деятель принимает политические решения на основе анализа конкретной ситуации. Этот анализ он совершает, опираясь на выводы профессионалов из разных областей знания, которые просчитывают, по возможности, все наличные варианты реагирования на возникший политический вызов и вероятные последствия того или иного решения. Затем специалисты-политтехнологи разрабатывают стратегию и тактику информационно-пропагандистского обеспечения принятых решений на разных уровнях. Обычно такая работа предваряет обнародование принятых решений и должна обеспечить их позитивное восприятие общественным мнением.

Такие «мозговые центры» для обсуждения и обеспечения принимаемых решений сформированы при всех современных администрациях, ибо без квалифицированного анализа ситуации и информационного обеспечения политика не может быть эффективной. При этом следует помнить, что идеологи-политтехнологи — не творцы политики, как кажется многим из них, а лишь исполнители политического заказа. Это разные роли. Принимают решения и делают соответствующие заказы политики-лидеры. Вероятность, что из политтехнолога получится хороший политик-лидер, в общем, не выше, чем для специалиста любой другой профессии. Все дело в

том, есть ли у человека дар политического лидера или нет. Это подобно различию между композитором и музыковедом. Композитор сочиняет музыку, а музыковед ее объясняет. Но сам сочинить что-либо подобное обычно не может. Как, впрочем, и композитор не всегда может объяснить собственное сочинение. Политика, как и музыкальная композиция, прежде всего искусство. И в ней, кроме знания, огромную роль играет особая политическая интуиция и политическая воля.

Итак, коллективным может быть только обсуждение, решение принимает лидер. И именно он несет за него всю полноту ответственности. Что такое «коллективные решения» и к чему они ведут, мы насмотрелись в последний период существования советской власти, в эпоху так называемых «застоя» и «перестройки». Столь же пагубны и импульсивные действия лидера, предпринимаемые без всестороннего коллективного просчета возможных последствий таких действий. Вспомним политические экспромты Н.С. Хрущева, М.С. Горбачева... «Семь раз отмерь — один раз отрежь», — гласит народная мудрость. Простым человеческим эмоциям — обидам, возмущению, несдержанности — не место на политическом Олимпе, сколь бы ни были они справедливы сами по себе. Политические решения (а каждое заявление политического лидера — это уже решение) должны приниматься с холодной головой.

И еще одно замечание. Часто политики говорят об «открытости» и «прозрачности» своих действий, в этих утверждениях всегда заключена доля вольного или невольного лукавства. Политика по своей сути не может быть полностью открытой: ведь это борьба за определенные интересы. Чтобы быть эффективным, механизм подготовки решений очень часто не может быть открытым для всеобщего обозрения, он не должен давать пищу разного рода слухам, сплетням и т.д. На общественное обсуждение должны выноситься только те вопросы, для решения которых необходим определенный уровень народной солидарности. Например, вступление в тот или иной межгосударственный союз, реформы в области образования, здравоохранения и т.д. Здесь возможны разные методы — от дискуссий в представительных учреждениях, в прессе, до всенародного референдума.

Еще раз следует подчеркнуть: принятие политических решений — дело политиков, а не ученых, которые, по общему правилу, могут лишь выступать консультантами в пределах своей компетенции. Попытки некоторых ученых мужей управлять государством обыкновенно оканчиваются конфузом, и потом долгие годы приходится преодолевать последствия их деяний. С.С. Шушкевич был в свое время неплохим физиком, но, как он управлял Беларусью, мы хорошо помним. (Поразительно, как не способны такие люди учиться даже на собствен-

ных ошибках. Они продолжают рваться к власти, апеллируя «к мировой общественности» и обвиняя в провалах кого угодно, только не себя любимого.)

Политика — это особое призвание, дар, который дается немногим. И этот дар относительно независим от конкретной профессии, полученной человеком. (Хотя его профессиональные пристрастия и будут оказывать влияние на его политическую деятельность, но не определяющим образом.) В спокойные стабильные периоды развития государства и общества политика может осуществляться государственным аппаратом как бы по «накатанным рельсам», на основе отработанных стереотипов, без наличия яркого лидера. Мечта наших либералов-западников: правительство должно работать так, чтобы никого не интересовало, кто в данный момент премьер-министр. Но и в такой ситуации отсутствие подлинного лидера — далеко не лучший вариант, это движение по инерции. А в сложные переходные периоды, подобные тому, который переживает наше общество, учитывая к тому же нашу восточнославянскую ментальность с присущей ей обязательной персонизацией власти, отсутствие харизматического лидера, способного осуществлять национальную идею, воистину смерти подобно. В лице А.Г. Лукашенко Беларусь имеет такого лидера. Только не дай нам Бог превратить лидера нации в икону, впасть в очередной «культ личности»: это столь же опасно, как и отсутствие лидера. Обратная

связь народа с лидером есть обязательное условие успешности его миссии.

И, наконец, еще один вопрос: поскольку идеология есть теоретическая мотивировка политики, а политика есть борьба за власть, когда возникла идеология в современном замаскированном под науку виде?

«Как социальный феномен **идеология** есть столь же древнее явление, как и само общество», — утверждает В.А. Мельник⁵. С ним нельзя согласиться. Это порождение Нового времени, хотя **элементы** идеологии в современном смысле существовали в Античном мире. Со времени падения Античности и до наступления Нового времени идеологические функции несла религия, которая не может быть сведена к идеологии, ибо воплощала в себе **все** формы общественного сознания. Именно религия сформировала порождающую матрицу современных цивилизаций, культур и государств.

Можно ли считать идеологией сформировавшиеся в средневековом обществе сословные обычаи, как первоначально неписанные, так и записанные впоследствии: дворянско-рыцарский этикет, уставы купеческих гильдий, ремесленных корпораций, университетов? Элементы идеологии они, конечно,

---

⁵ Мельник В.А. Государственная идеология Республики Беларусь. Концептуальные основы. Мн., 2003. С. 204.

несли, поскольку выражали сословные интересы. Но только элементы. В них не было альтернативности, они были незыблемы как божественные установления. Их не надо было полемически отстаивать, они сами собою разумелись. Оспариваться могли лишь не менявшие их существа частности — размеры платежей, кандидатуры на замещение должностей (магистратур) и т.д. Даже лишение носителем власти определенных субъектов — корпораций, городов — их привилегий, что всегда вызывало сопротивление, не ставило под сомнение эти привилегии сами по себе. Идеология в собственном смысле слова появилась тогда, когда сама сословная иерархия стала оспариваться, когда человеческая индивидуальность стала прерывать сословные рамки, т.е. с появлением гуманизма как нового типа мировосприятия. Когда стали апеллировать не к божественному промыслу, а к земным интересам людей, которые ситуативно-изменчивы — сегодня выгодно одно, а завтра другое. И идеология может обосновать каждую ситуацию, и завтра будет называть белым то, что сегодня черное. «Если вам нравится соседская провинция и у вас достаточно сил, чтобы взять ее, — берите. Завтра ваши историки и дипломаты докажут, что эта провинция всегда была вашей и лишь временно была отторгнута коварным соседом», — говаривал прусский король Фридрих II, прозванный в германской историографии Великим, который был, между прочим, инициатором разделов

Речи Посполитой. Рождалась идеология голенькой, без тех пестрых одежд и украшений, которыми научились украшать ее по мере «общественного прогресса», лукаво смешивая поиски выгод с поисками истины. Но ради выгоды идеология всегда поступается истиной, хотя идеологи могут иногда искренне полагать, что делают это ради блага людей. Тем не менее, сути дела это не меняет.

Итак, анализируя взаимоотношения политики и науки, науки и идеологии как мотивировки политики, можно констатировать, что это разные области человеческой деятельности. И что политику делают политики, а ученые выступают в качестве их консультантов. Но в разработке национальной идеи положение обратное: разрабатывают ее, прежде всего, деятели науки и искусства, а осуществляют политики.

Именно всестороннее обоснование национальной идеи и должно быть, по мнению автора, основным содержанием спецкурса для студентов, а изложение проблем собственно политологии, правоведения, религиоведения, социальной психологии, экономической теории и т.д. следует предоставить соответствующим дисциплинам, где этот материал будет преподнесен системно, а не в виде набора фрагментов.

Пешова

ГЛАВА III

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ

1. Историческое вступление

Как уже отмечалось выше, национальная идея любой нации определяется ее культурно-цивилизационной принадлежностью. Она коренится в присущем данному народу мировосприятию, в его обычаях и традициях, в системе базовых для него ценностей, в его исторической памяти и народном искусстве. Важно подчеркнуть, что базой профессиональной историографии и профессионального искусства, выражающих народный дух, всегда является фольклорная традиция, мироощущение самого народа. И поскольку народ полиэтничен, нельзя ограничиваться только титульным этносом, надо учитывать его взаимодействие со всеми этносами, составляющими полиэтническую нацию. Иначе возникает угроза впасть в этноцентризм, чреватый национализмом и даже расизмом, «этническими чистками» и сегрегацией. Необходимо также отметить, что далеко не все профессионалы-гуманитарии являются в своем творчестве носителями народного духа. Всегда есть деятели, склонные выдавать за народные свои субъективные представления, обыкновенно заимствованные из инородных в культурном и цивилизационном отношении источников.

Конечно, ни одна нация не может развиваться совершенно обособленно от других, самоизоляция ведет к ее упадку. Но какова мера возможных за-

имствований? Заимствование только тогда плодотворно, когда нация действительно ощущает в нем потребность, когда заимствованное восполняет пробел в национальном. При этом необходимо не механическое заимствование, а **освоение**, национальная адаптация, превращение чужого в часть своего, подчинение чужого национальной культурной системе, а не перерождение своего в чужое. Бездумная имитация чужих форм жизни, социальных институтов, чуждых стилей искусства и т.д. ведет не к укреплению, а к деградации национальной культуры, ставит под сомнение национальное бытие народа. Подобные опасные проявления мы наблюдаем сейчас на всем постсоветском пространстве. Не избежала их и Беларусь. Причем творят это люди, претендующие на положение национальной элиты.

Противостоять этой угрозе — патриотический долг и власти, и гражданского общества, и каждого честного человека.

Корни современных идейных распрей в белорусском обществе уходят в глубокую старину. Исторической трагедией, постигшей православную Белую Русь в XV — XVIII вв., был отрыв от народных корней, переход в чуждую западноевропейскую культурно-цивилизационную систему и иной — польский — этнос большей части ее верхнего социального слоя. Это отбросило высоко развитую белорусскую православную культуру на

этнографический уровень, превратило белорусов в «крестьянскую нацию». Целью правящих кругов Речи Посполитой, опиравшихся на мировую мощь католической церкви, была полная ассимиляция белорусского народа, превращение его в «кресовых поляков». Но то, что удалось по отношению к социальным верхам, не удалось по отношению к народной массе, которая в исключительно неблагоприятных условиях оказала упорное сопротивление ополячиванию, оставаясь частью восточнославянской (русской) общности, упрямо продолжала именовать себя «русью», «русскими».

Едва ли не решающую роль в самосохранении белорусского этноса сыграла православная вера. Вспомним: ополячиванию всегда предшествовало окатоличивание. Большие надежды колонизаторы возлагали на хитроумную комбинацию с Брестской религиозной унией. Но уния не оправдала этих надежд. Она встретила ожесточенное сопротивление православного народа. И даже принудительно обращенные в унию крестьяне и низовое духовенство продолжали считать себя принадлежащими к «русской вере» и не порывали с православием. А мелкая шляхта быстро обратилась к ортодоксальному католицизму — только для нее уния и стала «переходным мостом» в польский этнос (куда она, впрочем, стремилась вслед за крупной шляхтой и без всякой унии). Провалу унии парадоксально содейство-

вала сама же шляхта, равно презрительно относившаяся как к православным, так и к униатам, именуя тех и других «недоверками». В Беларуси вошла в обиход поговорка: «Для пана — пледана, а для холопа — попа» (все равно, православного или униатского). И тем не менее, угроза, нависшая над самим бытием белорусского этноса, продолжала увеличиваться. И только со времени вхождения Беларуси в состав Российской империи обозначился перелом в ее исторической судьбе, начался процесс этнической консолидации и формирования новой профессиональной культуры. Процесс этот был весьма противоречивым. С одной стороны, шло возрождение православной культуры, сближение и единение с другими восточными славянами, прежде всего, с великорусами, которое сопровождалось осознанием самобытности Белой Руси. Самоназвание «белорусы» из узкогеографического обозначения жителей Подвинья и Поднепровья постепенно трансформируется в общее самоназвание всего этноса. Формировалась православная национальная идея белорусской нации, которая находилась в стадии становления. Была расторгнута антинародная религиозная уния.

Мы, конечно, не забываем, что самодержавная крепостническая Россия того времени не могла осуществить всех связанных с ней народных чаяний. Но то, что вхождение в империю было спа-

сительным для белорусского этноса, не вызывает сомнений у любого непредвзятого наблюдателя.

Новая православная интеллигенция Беларуси рекрутировалась преимущественно из духовного сословия — по существу, единственной относительно просвещенной прослойки населения края, сохранившей белорусский этнический облик. Именно эти люди и заложили базовые основы белорусской национальной историографии, этнографии, фольклористики и филологии (М.О. Коялович, Е.Ф. Карский, И.И. Носович, П.А. Бессонов и др.).

С другой стороны, католическая ополяченная шляхта, удержавшая социальное господство в крае и при российской власти и видевшая в этой власти своего главного врага, не отказалась от стремления утвердить в народной среде и свое духовное господство. Она активно участвовала в польском национальном движении, в том числе в открытых антироссийских восстаниях 1831 и 1863 гг., безуспешно пытаясь втянуть в них и белорусское крестьянство. Потерпев поражение в попытках прямой колонизации белорусов по своему образу и подобию, шляхта и католический клир не отказались от настойчивого стремления оторвать их от других восточных славян. На этом фоне часть выходцев из шляхты, очень малочисленная на первых порах, вспомнила о своих белорусских корнях и выступила с претензией на этническое

представительство белорусского народа. Себя они видели «будителями» «спящего», по их мнению, национального сознания. Они ориентировались на национально-сепаратистское движение в других странах Восточной (и не только Восточной) Европы того времени.

Этот запоздалый европейский «национальный Ренессанс» был также явлением противоречивым: с одной стороны, он не выражал законный протест против этнической дискриминации в полиэтнических государствах, с другой — дестабилизировал устоявшиеся жизнеспособные государственные структуры, вполне поддающиеся реформированию. По большому счету, он был выгоден только тщеславным, эгоистичным этническим элитам малых народов, мечтавшим о собственных мини-государствах, где они бы безраздельно господствовали. Они именовали себя «возрожденцами», хотя, как правило, речь шла не о возрождении чего-то ранее бывшего, а о построении нового, никогда прежде не существовавшего проекта. С самого начала сепаратисты, будучи незначительным меньшинством, искали поддержки в иностранных кругах, заинтересованных в подрыве и расчленении мощных полиэтнических государств. Исторический опыт однозначно свидетельствует: крупные государства, если в них соблюдается хотя бы минимум демократических принципов, всегда обеспечивают лучшие условия для экономического и культурного развития

малых народов. Почти все их культурные достижения, имеющие мировое значение, были совершены в имперских рамках. Обещанный националистами расцвет национальной культуры после достижения политической независимости нигде не наступил. Везде наблюдается культурный упадок, провинциализм и измельчание. Распад СССР — последнее тому подтверждение. Весь пар малосильных паровозиков уходит в свисток, на представительные нужды и личное благоустройство самозванной элиты. Да и суверенитет малых государств на поверку оказался фикцией...

Католическое сепаратистское движение в Беларуси изначально было несамостоятельным, подражательным, лишенным массовой социальной базы не только в православном народе, но и среди подавляющего большинства шляхты, необратимо усвоившей польское этническое самосознание. В своей массе шляхта относилась к белорусским увлечениям «возрожденцев» скептически, а нередко и прямо враждебно.

Не следует отождествлять с белорусским сепаратизмом соперничество двух исторических частей Речи Посполитой — польской «Короны» и «Литвы», породившее в исторической Литве своеобразный «краёвый» патриотизм местной польской шляхты. К возникшему гораздо позже белорусскому проекту он прямого отношения не имеет, как бы ни пытались некоторые историки доказать обратное.

Шляхта обеих частей Речи Посполитой причисляла себя к «единой польской шляхетской нации» с польским языком и культурой. Но «короняжи» (шляхта Королевства Польского) были склонны поглядывать на «литвинов» (шляхту исторической Литвы) с некоторой долей превосходства, что и вызывало отпор. Эти распри воспринимались как внутреннее дело единой Польши. Ни о каких этнических правах не только белорусов («русинов» в тогдашней терминологии), но и литовцев-балтов в этой среде и речи не было.

В своей культурной работе православные деятели ориентировались на общерусский литературный язык, широко распространенный к тому времени во всем восточнославянском регионе. Недооценка ими перспектив формирования нового белорусского литературного языка оказалась их слабым местом, хотя именно они положили начало глубокому научному изучению живых белорусских говоров. Вспомним фундаментальное исследование Е.Ф. Карского «Белорусы», образцовый «Толковый словарь белорусского наречия» И.И. Носовича и др. Этой слабостью не замедлили воспользоваться их оппоненты из католического лагеря, которые объявили православных ученых «русификаторами». Такие обвинения и поныне в ходу у белорусских национал-сепаратистов.

Подобные обвинения парадоксальны сами по себе: как можно «русифицировать» народ, кото-

рый сам себя называл русским? Первоначально как «русификацию» трактовали усилия российских властей (не всегда последовательные и решительные) по пресечению принудительной полонизации православных белорусов. Позже стали обвинять власти и православную церковь в уподоблении белорусов великорусам. Но и российское общество, и власти, кроме единичных реакционеров, всегда признавали самобытность белорусов как самостоятельной ветви «русского племени». Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к любому дореволюционному энциклопедическому справочнику. Обвинения в «русификаторстве» всегда были лишь прикрытием сепаратистских идей. Среди сепаратистов, конечно, были разные люди. Были своекорыстные политиканы (в политическом отношении они и верховодили), были и искренние национальные романтики, мечтавшие о некой идеальной самодостаточной и монопольной Беларуси, которую они видели в западной культурно-цивилизационной системе. Убедившись в невозможности обращения белорусского народа в ортодоксальный католицизм — духовный фундамент западноевропейской цивилизации, они попытались опереться на традицию части позднеуниатских деятелей, которые лукаво трактовали унию как народную белорусскую религию, якобы равноудаленную и от польского католицизма, и от русского православия. На деле униатство никогда не было и по

существо, и в глазах Римской курии, которой оно причислялось, отдельной конфессией, а лишь «ка-толицизмом восточного обряда». Отвергая общий для всех восточных славян церковнославянский язык русского извода как язык богослужения, эти униатские деятели обратились к местным белорусским народным говорам, обильно пересыпая их полонизмами. Такой ненормализованный лингвистический коктейль, разный в каждой диалектной зоне, и подавался в качестве нового белорусского языка. Старобелорусский письменный язык («русский» в тогдашнем понимании) был вытеснен из обращения польским языком еще в XVI — XVII вв. В 1696 г. он был законодательно запрещен сеймовым постановлением Речи Посполитой и постепенно полностью забыт.

Среди католических романтиков были и люди творчески одаренные, они положили начало литературной обработке этого новояза, начавшего под их пером постепенно обретать облик оригинального письменного языка. (Попытки творчества на местных белорусских диалектах предпринимались и ранее, в том числе и в православной среде, но они имели локальное распространение и не претендовали на всеобщий этнический статус.)

Новым белорусским языком первоначально пользовались только малочисленные группы «свядомых» национальных деятелей. Характер общенародного этнического языка ему придало мощное

творчество белорусских литературных классиков — Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа. А всенародное распространение он получил только со становлением национальной школы, прессы, институционализированного искусства в первом реальном белорусском государстве — БССР. Ибо, как справедливо констатирует В.А. Мельник, «применительно... к периодам истории белорусского народа до 1919 г. правильнее будет говорить не о белорусской государственности, а о государственности на белорусских землях»⁶.

Но ко времени становления собственно белорусской государственности в Беларуси уже прочно утвердился общерусский язык, и попытки «возрожденцев», поддержанные на первых порах и властями БССР, вытеснить его на уровень «иностранного», или «языка соседнего государства», встретили всенародное сопротивление. В Беларуси сложилось двуязычие, когда оба языка — и русский и белорусский — воспринимаются как родные. Вопреки утверждениям националистов, никак не могущих примириться с такой ситуацией, вектор двуязычия стал не недостатком, а огромным преимуществом белорусской нации, мощно содействующим ее всестороннему развитию. Итак, в Беларуси образовались два противоположных направления наци-

---

⁶ Мельник В.А. Государственная политика республики Беларусь. Концептуальные основы. Мн., 2003. С. 137.

онального мышления, разной культурно-цивилизационной ориентации — генетически православное и генетически католическое. И, соответственно, два подхода к пониманию белорусской национальной идеи.

Следует подчеркнуть: речь идет о национальных идеях генетически (по происхождению) католических и генетически православных, а не о католицизме и православии как религиозных конфессиях. Отвергая католические политические идеи в отношении нашего народа и нашей страны, мы ни в малейшей степени не ставим под сомнение свободу отправления католического религиозного культа в Республике Беларусь. Свобода совести незыблема, но свобода совести не есть свобода антигосударственного политиканства, вмешательства костела в сферу политики. Подобные попытки наблюдаются и должны встречать решительный отпор со стороны государства и общества. В тех же сферах, где интересы государства и костела пересекаются, прежде всего в сфере нравственного воспитания народа, он получает и будет получать поддержку белорусского государства.

Первый, генетически православный, подход к национальной идее исходил из того, что Беларусь — неотъемлемая часть восточнохристианской подсистемы европейской культуры и восточнославянского (русского) суперэтноса, имеющего общее историческое прошлое в общей колыбели Киевской Руси.

Он принимал формулу триединого русского народа, все три ветви которого — великорусская, малорусская (украинская) и белорусская — самобытны и равноправны. Еще в 1915 г. великий основоположник белорусской национальной культуры Максим Богданович так сформулировал этот подход: «рускіх народаў тры», «усе мы аднаго караню»⁷. Будущее белорусского народа сторонники православного подхода представляли в государственном единстве с великорусами и украинцами, оставляя открытым вопрос о конкретных формах этого государственного союза — живая история должна выработать наиболее предпочтительные. Большинство склонялось к автономии в едином государстве. Православная идея имела фундаментальное научное основание, опираясь на всю совокупность накопленных исторических источников.

Второй, генетически католический, подход опирался на гипотетическую принадлежность Беларуси к западнохристианской культуре. Он противопоставлял белорусов великорусам и украинцам, считал белорусов генетически чуждыми им. Некоторые доходили даже до отрицания славянства белорусов, относя их к принудительно ославяненным балтам. Они выступали за отказ от самого этнонима «белорусы» с ненавистным для них корнем «рус» и замену его на

---

⁷ Багдановіч М. Поўны збор твораў: У 3 т. Т. 3. Мн., 1995. С. 126.

«крывічы» или «ліцьвіны». В качестве графической основы нового белорусского языка они настойчиво пытались утвердить латиницу, чтобы прервать кириллическую основу славянской письменности, объединяющую всех православных славян. Эти деятели выступали за отдельное моноэтническое и монопольное государство, полностью порывающее связи с русской культурой как с культурой «исторического врага». Они исходили из общей истории с Литвой и Польшей, рассматривая российский период как эпоху «чужеземной оккупации». Они допускали союзные отношения только с западными соседями, но ни в коем случае не с Россией, стремившейся, якобы, «русифицировать» Беларусь.

Построения национал-сепаратистов опираются не столько на науку, сколько на национал-романтическую публицистику, на сотворенный миф о некоей, никогда не существовавшей в реальной действительности, идеальной, с их точки зрения, Беларуси. С историческими источниками они обращаются более чем произвольно, вычитывая из них то, что в них не содержится. Написано «русский» — читай «белорус», хотя такого этнонима тогда вообще не существовало. Написано «Литва» — читай «Беларусь»... Хотя еще древний автор писал о таких деятелях: «Гудок ли, гусли, Литва ли, Русь ли — им все едино...». Они стремились и стремятся отождествить историю Беларуси с историей Великого княжества Литовского.

На эти два направления белорусская общественная мысль распадается и поныне. Историческим традициям белорусского народа, его мировосприятию, его системе ценностей отвечает только первое, православное, направление. Именно за этот путь неизменно голосует подавляющее большинство народа на выборах и референдумах, этот путь олицетворяет харизматический народный лидер А.Г. Лукашенко. Второе направление опирается на незначительное меньшинство, именующее себя «свядомымі беларусамі» (подавляющее большинство народа для них «несвядомыя» — неосознательные).

Исторический парадокс заключается в том, что именно представители меньшинства стали доминировать в научных, образовательных учреждениях, в творческих объединениях новорожденной Белорусской республики. Дело в том, что католические сепаратисты изначально рядились в модные в начале XX в. социалистические одежды, в то время как православные деятели были политиками умеренными, скорее консервативными, многие стояли на монархических позициях. И они оказались отвергнутыми революционной эпохой как «социально чуждые поповичи». И с образованием СССР культурная политика оказалась в руках католического направления, меньшинства, присвоившего себе представительство всего народа (о коллаборационизме во время германской и польской окку-

пации Беларуси постарались забыть, как о детских шалостях). Попытки практического воплощения национал-сепаратистского проекта встретили упорное сопротивление населения и неизбежно вели к столкновению с советской властью, как несовместимые с коммунистической идеей. Методы революционной эпохи известны — полетели головы. Наряду с убежденными идейными противниками репрессиям подверглась национальная интеллигенция в целом. Уцелевшие на время затаились, а затем начали воспевать коммунистическую партию и вождя всех народов — кто искренне, кто лицемерно... Власть, в свою очередь, не скупилась на тиражи, гонорары, награды. Пропаганда восхваляла идейное единство белорусского общества. Но грянула Великая Отечественная война, и мы вновь видим национал-сепаратистов сотрудниками оккупантов. Это надолго скомпрометировало их систему идей, и, казалось бы, после победы окончательно воцарилось единодушие на коммунистической платформе. Но, как говорят в народе, горбатого могила исправит. И с распадом СССР и провозглашением суверенитета Республики Беларусь ими опять была предпринята попытка «дойти до своей Беларуси». Опять очередной тур принудительной «белорусизации», ломаются школьные и вузовские программы, переписываются в национал-сепаратистском духе учебники, государственным языком объявляется только белорусский,

вводится символика, которую употребляли коллаборационисты.

Приход к власти А.Г. Лукашенко положил предел этой вакханалии. На всенародных референдумах народ подавляющим большинством проголосовал за двуязычие, союз с Россией и привычную символику белорусского государства. Католическая национальная идея потерпела очередное политическое поражение. И тем не менее, столь своеобразно «свьядомае» меньшинство все еще старается оказывать влияние на научную и культурную жизнь республики. В демократическом обществе гарантируются права меньшинства на самовыражение. Слава Богу, мы уже прошли этап революционной нетерпимости. Но меньшинство должно вести себя именно как меньшинство и не посягать на права большинства, тем более не выдавать себя самозванно за представителей этого большинства. Речь идет не только о национал-экстремистах (Пазняк и К⁰), но и о либерал-экстремистах (Лебедько и К⁰) — это разновидности одной масти.

В государственных научных и образовательных учреждениях все сотрудники, независимо от их личных пристрастий, обязаны исходить из принятых в данном государстве стандартов. Оппозиционной деятельностью можно заниматься в рамках действующего законодательства от собственного имени, а не от имени народа, который недвусмысленным волеизъявлением отвергает систему цен-

ностей и национал-сепаратизма, и либерал-экстремизма.

Конечно, разные культуры и цивилизации составляют взаимодополняющую друг друга систему, учатся друг у друга. Но нельзя сидеть на двух стульях сразу. Неизбежно приходится выбирать. К чему привело лавирование между Востоком и Западом полиэтничную Югославию, хорошо известно. И если для народа Беларуси вопрос выбора не стоит, он твердо осознает себя частью восточнохристианской цивилизации, то для интеллигенции, как видим, этот вопрос остается актуальным.

Нельзя объединить представления о прошлом, настоящем и будущем Беларуси идеологов, стоящих на противоположных цивилизационных позициях. Не могут объединиться люди, считающие Россию главным стратегическим союзником, и люди, для которых Россия – главный исторический враг Беларуси. Консолидация белорусского общества возможна только на основе славяно-русской цивилизации. И поскольку примирить две существующие национальные идеи невозможно, остается только искать пути цивилизованного сосуществования «свьядомых» по-разному большинства и меньшинства. Со стороны государства для этого делается максимум возможного, чего никак нельзя сказать об оппозиции, которая никак не может усвоить простую истину: дело интеллигенции – слу-

жить народу, а не пытаться переделать его на кому-то угодный лад.

Автор убежден, что истинной национальной идеей белорусской нации является только первая — генетически православная. О второй сказано уже достаточно, и больше обращаться к ней без крайней необходимости мы не будем.

2. Основания белорусской национальной идеи:

а) Восточнославянский суперэтнос

В далеком 1826 г. Василий Андреевич Жуковский, принимая предложения Государя стать воспитателем наследника Александра, кратко сформулировал программу подготовки будущего монарха — личность царя тогда воспринималась как воплощение существа нации, говоря современным языком, как воплощение национальной идеи. Будущий царь, по мнению Жуковского, должен был получить широкие понятия по пяти вопросам: кто ты?, откуда ты?, где ты?, куда ты (идешь)? и зачем ты? К ответу на эти вопросы и по сию пору сводится понятие национальной идеи, ибо это вопросы этнического и национального самоопределения. Ответ на эти вопросы и является **первым** фундаментальным основанием

всякой национальной идеи, и белорусской в том числе.

Неизвестно, читал ли записку В.А. Жуковского один из основоположников новой белорусской культуры Максим Богданович (что весьма вероятно — поэт учился в Ярославском юридическом лицее (Демидовском), где такая проблематика глубоко изучалась), но еще в 1915 г. он дал предельно краткий, чеканный ответ на первые два вопроса: «кто мы?» — «рускіх народаў тры» и «откуда мы?» — «усе мы аднаго караню». В этих словах, как дуб в желуде, содержит в потенции вся история восточного славянства. Сначала корень — общая колыбель, Древняя Русь, сложившаяся на рубеже I и II тыс. н.э. в феодальную федерацию-конфедерацию — Русскую землю. Эти юридические формы Нового времени — федерация-конфедерация — применительно к средневековью не вполне адекватны, мы их используем за отсутствием пока более точных. Политически это была сложная пирамида княжеств и городов, связанных в единое целое подвижной сетью вассально-сюзеренных отношений в пределах одного княжеского рода потомков легендарного Рюрика, пространственно охватывающая всю этническую территорию восточных славян. Это политическое образование и эта территория именовались Русской землей, Русью. Славянское ядро окаймлялось обширной иноплеменной периферией, находившейся в даннической

зависимости от русских князей, которая постепенно ославянивалась, расширяя славянскую этническую территорию.

С конца X в., с принятием от Византии православного христианства, ставшего «русской верой», разрозненные племенные группы восточных славян сплачиваются и духовно осознают себя единым народом-этносом — Русью. Так их начинают воспринимать и ближние, и дальние соседи на западе и востоке. В Восточной Европе сложился великий народ, которому была предназначена великая судьба. Таков корень всех русских народов. Ибо после всех исторических перипетий из этого корня выросли три мощных побега, самобытных, но навеки сохранивших сознание общего происхождения и плодотворные взаимосвязи, — великорусы, малорусы (украинцы) и белорусы. Такое единение народов на основе общего происхождения, общей веры, взаимопереплетения культуры, экономических и кровнородственных связей, при осознании собственной самобытности, современная этнология называет **суперэтносом**. Для суперэтноса характерно, что коэффициент учитываемых этнографией различий между самобытными его частями не превышает различий внутри каждой отдельной части. Так, внутренние различия между историческими регионами России, Украины и Беларуси не меньше, чем между ними взятыми в целом. Между восточными славянами нет четких этнических и языковых гра-

ниц — население приграничных регионов ближе друг к другу, чем к населению центральных частей собственной этнической территории. В целом, общими являются до 80% реалий, и только около 20% приходится на различия.

В общественную мысль восточных славян понятие суперэтнуса вошло как понятие триединой нации — «руских народаў тры», по Богдановичу. Русский (восточнославянский) суперэтнос — не просто научное, теоретическое построение, это живая, остро переживаемая восточными славянами реальность. И особенно обострилось это переживание после разрыва по живому своекорыстными политиками единого государства. Даже яростная борьба украинских и белорусских националистов против этого понятия доказывает его живую силу: против теоретических миражей не воют столь ожесточенно, не пускаются на прямые подтасовки и передержки. Достаточно вспомнить вышеприведенные откровения Л.В. Лойко.

Все славяне сохраняют достаточно выраженное этническое родство и легко узнают друг друга в иноплеменной среде, но суперэтнуса они после великого переселения во второй половине I тыс. не составляют. Сознание принадлежности ко всему славянству у западных и южных славян существует преимущественно на научно-академическом уровне, слабо затрагивая народную массу. Поляки или чехи — прежде всего поляки или

чехи, и лишь в определенных обстоятельствах они ощущают себя еще и славянами. Они изначально выделились из общеславянской первобытной общности как поляки и чехи. Восточные же славяне — Русь — выделились из общеславянской общности как единый этнос, в одну историческую эпоху с теми же поляками и чехами, и полтысячелетия существовали как единый этнос с единым этническим самосознанием. Это единое самосознание и общее самоназвание — этноним «русский» — сохранилось и после фактического и исторического обособления Украины и Беларуси, вплоть до начала XX столетия. Да и то, что последовало в результате русской революции, — государственное обособление этих стран (первоначально в виде советских республик, а затем политическое насаждение «украинизации» и «белорусизации» без обращения к волеизъявлению самих народов) — многими специалистами определяется как «навязанная этничность». Во всяком случае, никаких массовых народных движений за такое обособление история не знает. В народном сознании объединение всегда превалировало над разъединением. Языком суперэтноса выступает русский литературный язык, широко распространенный среди всех восточнославянских народов. Сформировавшийся на основе общего для восточных славян церковнославянского языка, он выработывался усилиями не только великорусов, но и

украинцев и белорусов. Поэтому его нельзя назвать только «великорусским», он именно «русский» — общее достояние всех восточных славян. Он выступает вторым родным языком и для украинцев, и для белорусов. (Кстати, несколько родных литературных языков — не такая уж редкость в истории. У норвежцев, например, их целых три, и все норвежские.)

Итак, восточные славяне, в отличие от западные и южных, образуют суперэтническую общность, объединенную общей территорией, верой, базовой общностью культуры и цивилизации, самосознанием и общим языком общения — русским литературным языком.

На поставленный вопрос «кто мы?» следует ответ: мы — белорусы, самобытная часть (ветвь) русского (восточнославянского) суперэтноса. На вопрос «откуда мы?» — мы из общей колыбели восточных славян, древней Русской земли.

б) Культурная идентичность восточных славян

Вторым фундаментальным основанием белорусской национальной идеи является принадлежность белорусской нации к восточнохристианской (православной) подсистеме европейской христианской культуры. Этот факт не менее фундаментален, чем факт существования восточнославянского суперэт-

носа, ибо культура — это и лицо, и порождающая матрица нации, на основе которой она развивается.

Существует около 500 рационалистических определений понятия культуры. Но не будем вдаваться в теоретические подробности, для этого существуют курсы культурологии. В самом общем виде понятие культуры может быть сформулировано так: культура — это отношение устойчивых человеческих общностей и отдельных людей к природе, к социуму и самим себе, которое выражается в присущих им особенностях мировосприятия и шкале ценностных ориентаций.

Чтобы узнать культуру конкретной общности или отдельного человека, надо поставить вопрос: что данный культурный субъект знает об этом мире? Что он умеет делать в этом мире? И как он этот мир осмысливает, переживает чувственно и оценивает? Что в этом мире для него хорошо, а что плохо, что прекрасно, а что безобразно, что значимо более, а что менее?

Можно сказать и так: культура — это особый тип мироотношения, присущий данной человеческой общности и устойчиво воспроизводимый в поколениях. Он отражается и закрепляется в продуктах творческой деятельности данной общности. С этой точки зрения мировая культура — не что иное, как система культур локальных. Культуры взаимодействуют и взаимообогащаются, но существуют, как таковые, только до тех пор, пока сохраняют свой

уникальный тип. Утрата базовых типологических черт данной культуры ведет к ее гибели, растворению среди других культур.

Нельзя сводить сущность культуры только к языку, что характерно для националистов. Этнический язык — лишь одна из базовых ценностей этноса, причем отнюдь не определяющая. Многие этносы сменили языки культуры, оставаясь при этом сами собой. Например, кельтские народы — ирландцы и шотландцы, которые и после перехода на английский язык сохранили свое национальное лицо. С другой стороны, англоязычные американцы, австралийцы — давно уже не англичане, а носители иных, новосформированных культур.

Культура — понятие многослойное. Конечно, все люди обладают человеческим сознанием, выделяющим нас из животного мира. Однако понятие «общечеловеческих ценностей» — абстракция, не существующая сама по себе, а проявляющаяся через определенные культурные системы и отдельные конкретные культуры. Шумиха вокруг этого понятия в современном мире имеет, к сожалению, характер политических спекуляций, когда за общечеловеческие выдаются стандарты какой-либо одной, а именно евро-атлантической культурной системы, каковые активно навязываются всем остальным всеми способами, вплоть до крылатых ракет... Унификация — конец культурного прогресса, развитие предпола-

гает культурное многообразие мира. Культурный фундамент всех европейских народов, и белорусов в том числе, уходит в языческую индоевропейскую древность, но системный характер европейская культура приобрела только через великую мировую религию — христианство. Христианство заложило основы культурной общности европейцев. Христианство сформировалось в пределах мировой Римской империи, изначально делившейся культурно на греческий Восток и латинский Запад. Соответственно оно и конституировалось в двух версиях — восточной православной и западной католической. Последние расколы этих великих версий не изменили их базовых основ. Протестантизм на Западе и старообрядчество на Востоке остаются разновидностями западного и восточного христианства.

Христианство адаптировало, ассимилировало дохристианские языческие культуры. Письменно зафиксированной осталась только греко-римская мифология (однако и она полна трудно сводимых в систему противоречий). Об остальных языческих культурах европейцев сохранились лишь разрозненные известия да трудно выделяемые из общего массива бытовых культур деформированные пережитки.

Мифологическая система древних славян существовала на уровне обыденного сознания и ушла в небытие вместе с родоплеменным строем. Попытки реконструировать мифологию славян, предпри-

нимавшиеся раньше и предпринимаемые теперь, носят преимущественно умозрительный, гипотетический характер и относятся, скорее, к области литературных фантазий, чем к науке. От этих верований остались лишь осколки, обрывки магических обрядов, ставшие просто игрой (например, купальские и масленичные обряды), и темные предрассудки. Более надежным источником является бытовое христианство: церковь боролась с язычеством и адаптировала его наиболее устойчивые верования, перекрывая их христианскими, вкладывала в них христианское содержание. Так, языческий Перун был заслонен христианским Ильей, Пятница — Парасковьей, русалочья неделя — семик, — праздником Троицы, христианская Пасха адаптировала магические весенние обряды выпечки священного хлеба (пасхальные куличи), приготовления сырной массы (пасхи), окрашивания яйца и т.д. Но все это лишь отблески, реминисценции исчезнувшей культуры. Языческая религия освящала родоплеменное деление и разобщение общества как в материальном, так и в духовном отношении. Но без духовного единства нет народа-этноса.

Такое единство, сплотившее этнос, принесло христианство, ставшее «русской верой». Русь приняла христианство в его восточной, православной версии, близкой поэтической душе восточного славянина, выкристаллизовавшейся на необъятных просторах Русской равнины среди девственной,

почти не тронутой культурой природы. Православное христианство распространялось на родном языке славян. Оно принесло на Русь уже хорошо развитую славянскую письменность, а с ней утонченную духовную культуру Византии. Православная церковь, в отличие от римско-католической, не противостояла светской власти. Взаимоотношение духовной и светской власти православные богословы определяли как «симфонию». Конечно, в реальной жизни бывало всякое, но действительное устремление к такой симфонии красной нитью проходит через всю историю православия. Православное христианство стало культурным фундаментом и порождающей материей и русского суперэтнуса, и его самобытных частей.

В этнической культуре белорусов отчетливо прослеживаются три слоя.

Первый — общеславянский, несущий в себе и реминисценции индоевропейской древности, роднящей белорусов со всеми европейцами. Это сваи, несущие на себе фундамент.

Второй — общерусский, суперэтнический, объединяющий их со всеми восточными славянами. Это и фундамент, и первый, наиболее обустроенный, этаж культуры.

И, наконец, третий уровень собственно белорусской этнической культуры. Это второй этаж, еще не заверченный, обустройство которого продолжается на наших глазах.

Исторически сложилось так, что этническое самосознание белорусов дуалистично — сливаются воедино и осознание своей принадлежности к общерусской общности, и к собственно белорусской, самобытной. В Беларуси сформировался самобытный вариант общерусской православной культуры, несущий в себе своеобразие ее исторического пути.

Сегодня он такая же реальность, как и собственно этническая белорусская культура. И постичь оба этих феномена можно только в единстве. Сводить белорусскую культуру только к узко этническому белорусскоязычному слою — значит убивать ее, отрывать от питающих корней. И русский, и белорусский языки в Республике Беларусь являются родными и государственными. Для современной белорусской нации изначально основным языком общения выступает язык суперэтноса — русский язык. Белорусский литературный язык является языком этнической самоидентификации, маркером принадлежности к самобытной белорусской этнической общности.

Поэтому стенания националистов о «вытеснении», «отмирании» белорусского языка надуманны. Он будет существовать и развиваться, пока будет существовать сама белорусская нация. А свою жизнестойкость она доказала вполне убедительно. Да и нельзя «вытеснить» что-либо с того места, каковое оно никогда не занимало, и не может «от-

мереть» то, что сравнительно недавно, по историческим меркам, народилось и успешно развивается. Отчаянные попытки националистически настроенной интеллигенции превратить дуалистическое самосознание двуязычных белорусов в моноэтническое и моноязыковое остаются гласом вопиющих в пустыне. Не повезло им с народом — он таков, каким его сделала история, и не собирается отрекаться от самого себя. А непреодолимое упорство белорусов в отстаивании своих ценностей чрезвычайно наглядно показала та же история. Пора бы извлечь из нее уроки.

Кстати, дуалистичность этнического самосознания — вовсе не уникальная особенность белорусов или украинцев. Это явление достаточно распространено в мире, оно свойственно многим суперэтническим обществам. Таково, например, самосознание большинства американцев, которые ощущают себя и американцами, и потомками ирландцев, немцев, итальянцев и т.д. То же самое можно сказать и об индийцах, которые, кроме принадлежности к индийскому суперэтносу, ощущают себя пенджабцами, бенгальцами и т.д. Характерно, что везде ведущее положение занимает принадлежность именно к суперэтносу.

Вообще, почти все культурные реалии — не есть исключительная принадлежность какой-либо одной культуры. Культура не только обособляет, ограничивает народы, но и объединяет их в реги-

ональные системы и общечеловеческую систему систем. Когда говорят, что тот или иной народ трудолюбив, свободолюбив и т.д., то этим не говорят ничего. Ибо все народы трудятся в меру тех условий, в которые они поставлены историей, борются за свободу, как они ее понимают, поют и танцуют и т.д. Дело в том, какое место занимают эти реалии на шкале ценностных ориентаций данной культуры и как они интерпретируются данной культурой, в том восприятии их на подсознательном уровне, которое принято называть менталитетом. При этом следует помнить, что менталитет — усредненное понятие, это то, что проявляется как **правило**. Но существуют исключения — отклоняющееся от принятой нормы поведение отдельных индивидумов и даже отдельных групп населения. Во время общественных потрясений такие отклонения всегда учащаются и к тому же непомерно раздуваются ангажированными СМИ. Однако по фактам отклоняющегося поведения нельзя судить о культуре в целом. Пока культура жива и жизнеспособна, ее базовые основы обязательно восторжествуют и чужеродная для данной культуры накипь будет ею отторгнута. На тысячелетнем пути православной русской культуры такое случалось уже не раз, но она неизменно возрождалась, как птица Феникс из пепла. Надо учитывать также, что во всякой большой культуре существуют региональные особенности, не свойственные культуре в целом. Так, на-

пример, выделяется в Беларуси Полесский регион. Наконец, в каждой полиэтнической нации имеются инокультурные включения. Но и региональные особенности и инокультурные включения должны гармонично адаптироваться в ведущую культуру, тогда будет идти конструктивный процесс взаимообогащения. В противном случае могут возникать очаги этнокультурной напряженности и даже конфликтов.

Обычно выделяют такие базовые черты славяно-русской православной культуры:

— приоритет духовных ценностей над материальными, и поэтому высокое место на шкале ценностных ориентаций занимают бескорыстие, милосердие, идейная убежденность, напряженный поиск смысла жизни, душевная широта и щедрость.

— и в то же время проявление смирения, совестливости, терпимости, уживчивости с иноплеменниками;

— нестяжательство, отсутствие преклонения перед богатством, даже подозрительное отношение к нему («от трудов праведных не построить палат каменных»), стремление не к богатству, а к зажиточности, уважение к самоограничению и даже к аскетизму.

Американская мечта — «каждый чистильщик сапог может стать миллионером» — отторгается русской культурой;

— преобладание интуитивного начала над рациональным расчетом, которому плохо поддавалась жизнь среди суровой, по сравнению с Западной Европой, трудно предсказуемой природы, в окружении многочисленных врагов;

— коллективизм, общинность в форме соборности, убеждение, что нельзя выжить поодиночке, что личное духовное и материальное благополучие и спасение должно достигаться сообща, для всех;

— нравственный максимализм, готовность пожертвовать материальным благополучием и самой жизнью во имя идейных убеждений, неизбывное стремление к справедливости. И в этом восточные славяне склонны доходить до края, до предела. «Золотая середина» трудно дается славянину. «Широк русский человек, я бы сузил...», — говорит герой Достоевского.

Отсюда особый характер патриотизма в русской культуре.

Об этом следует сказать несколько подробнее, слишком важен этот сюжет для понимания русской культуры. И не случайно именно русский патриотизм в первую очередь стремятся оболгать и принизить враги России и всего восточного славянства.

Родина, Отечество — в славяно-русской культуре прежде всего духовное понятие, патриотические призывы всегда начинались с клича «за

веру!»). Традиционную ли православную веру или приобретающую характер веры коммунистическую идею, но за веру. И здесь духовное доминирует над материальным. Русская земля воспринимается не столько как источник богатства, хотя и это, конечно, подразумевается, но, прежде всего, какместилище русского духа («Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», — А.С. Пушкин). Отсюда и удивляющая западноевропейцев готовность пожертвовать богатством родной земли во имя спасения народной души, готовность уничтожать собственное добро, чтобы оно не досталось врагу. Отсюда и русская непокорность. И способность предельно мобилизоваться, отбросить все второстепенное и сосредоточиться на самом главном ради достижения победы.

Для восточных славян невыносима чужеземная власть над их землей, с ней они не смиряются никогда, хотя и проявляют непонятную для иностранцев терпимость к власти отечественной, к своему государству. Для славяно-русской культуры характерно патерналистское восприятие власти, восприятие главы государства как государя, отца нации («бацькі»).

Чисто утилитарные призывы либералов-западников, ставящих во главу угла материальную выгоду, не могут в русской культуре стать национальной патриотической идеей. Как призыв «удвоить ВВП» в современной России, где на фоне

обнищавшего населения, как грибы после дождя, растут миллиардеры, или призывы белорусских либералов сделать патриотической идеей белорусов стремление повысить «производство экспортной продукции» и «уровень обслуживания иностранных туристов»⁸. А в качестве примера для подражания приводится «патриотизм» швейцарцев, которые собирают битое стекло, чтобы удешевить отечественным фабрикантам производство стеклотары⁹. (Справедливости ради надо заметить, что сами швейцарцы символом своего патриотизма считают все же борца за свободу Родины Вильгельма Телля, а не сбор утиля. Хотя утилизация вторсырья — дело, конечно, и хорошее, но не тот масштаб.)

Патриотизм в русской культуре неотделим от справедливости для всех. Улучшать производство, внутреннюю и внешнюю торговлю, качество сервиса, безусловно, надо, но не следует смешивать Божий дар с яичницей. Вряд ли удастся превратить восточных славян в нацию торгашей и лакеев. Хотя торгашество и лакейство бурлят ныне грязной пеной на поверхности нашей жизни.

Из всего сказанного вытекает и особое отношение русской культуры к войне: не как к турниру ради собственной славы, самоутверждения и добы-

---

⁸ Лойко Л.В. Указ. соч. С. 9.

⁹ Там же. С. 10.

чи, а как к тяжелой трудовой страде во имя Отчизны. Русская военная традиция воспекает прежде всего войны оборонительные, справедливые, а не наступательные. Хотя иногда превентивное упреждающее наступление бывает лучшим способом обороны, народная нравственность чутко различает грань, за которой справедливая оборона превращается в несправедливый разбой.

Трудно в нескольких словах сформулировать все своеобразие православной русской культуры, вступившей во II тыс. своего существования, но обозначенные положения все же представляются наиболее характерными.

Нетрудно заметить, что характерные черты православной русской культуры во многом сохраняют средневековый (доиндустриальный) характер. Некоторые из них в определенной степени были присущи и средневековым западным европейцам, но утратились ими в ходе становления буржуазного общества. Это была плата за ускоренное экономическое развитие. Современные западные идеологи на этом основании трактуют процесс разрушения традиционной культуры как проявление универсального прогресса, а характерные черты русской культуры как архаичные, отсталые, которые должны, будто бы, преодолевать по мере усвоения Россией современной (читай — западной) культуры. Однако действительно ли прогрессивно разрушение традиционной куль-

туры? Может быть, разрушение ее на Западе и не прогресс вовсе, а трагедия западноевропейцев? Трагедия, превратившая, между прочим, Западную Европу в кладбище этносов? А ведь Россия сохранила практически все этносы, обитающие на ее необъятной территории. Горестные уроки XX в. доказали: «разрушение до основанья», как поется в Интернационале, неплодотворно, не приносит ожидаемых результатов. За него приходится платить страшную цену и, в конце концов, остаться на пепелище. (Ведь и фашизм, помимо всего прочего, был извращенной реакцией на разрушение традиционной культуры.)

По счастью, мы уже отошли от дубовой материалистической детерминации культуры. И еще следует подумать, что в каждом конкретном случае первично: или западная культура — продукт экономического развития, или западное буржуазное экономическое развитие — продукт западной культуры. Ведь особенности западной и восточной европейской культур уходят корнями еще в эпоху Римской империи и вполне обозначились в средневековье. И эти окончательно восторжествовавшие в постфеодальную эпоху особенности, содействуя буржуазному экономическому развитию, оказались губительными для традиционной культуры. В ледяной воде корысти утопили согревавшие душу человеческую христианские идеи человеческого братства.

С другой стороны, наибольшие успехи в экономическом развитии ныне демонстрируют страны Юго-Восточной Азии, где трепетно относятся к своей традиционной культуре. А основанный на традиционной общинности, патерналистски-личностных отношениях, японский менеджмент оказывается более эффективным, чем американский, который довел до предела западный индивидуализм и личностный эгоизм.

Так является ли русская культура только архаическим пережитком, тормозящим экономическое развитие? А может быть, тормозит именно некритическая имитация чуждых западных форм жизни, разрушающих традицию и не порождающих новой культурной системы? Ведь прочно только то, что вырастает на родной почве, только имея прочный, здоровый подвой, можно прививать нечто новое.

Ну а средневековье — действительно колыбель современных культур, государств и наций, эпоха, когда закладывались те сущностные черты, формировались те порождающие матрицы, на основе которых культуры до сих пор и развиваются. И пора перестать употреблять понятие средневековья как синоним рутины и отсталости. Понимание отсталости в каждую эпоху свое. И недостойно предъявлять счет предкам за свои собственные прегрешения.

Конечно, как и все на свете, обозначенные черты славянской культуры имеют и обратную сто-

рону. Недостатки — продолжение достоинств. Так, бескорыстие и щедрость нередко оборачиваются безалаберностью и расточительством, коллективизм — личной безответственностью («я ничего, я, как все»), нестяжательство — бесхозяйственностью, нравственный максимализм — безрассудным упрямством, пренебрежением к обустройству обыденной жизни, терпимость — расслабляющим всепрощением.

Преобладание интуитивного начала обуславливает не только высокий творческий потенциал культуры, но и недостаточную способность претворять творческие достижения в практическую жизнь. Недостаточная рационалистичность порождает стихийное отношение к жизни — пресловутый русский «авось» и белорусское «неяк будзе...». Стремление к справедливости часто оборачивается анархическими проявлениями, пренебрежением к закону и т.д.

В этом отношении западноевропейская культура взаимодополнительна по отношению к восточноевропейской. Там, наоборот, сильны те черты, которые слабы у нас, и слабы те, что у нас сильны. Нам недостает их рациональности, расчетливой систематичности, бережливости, развитого индивидуально-личностного начала, прагматичности, способности во всем находить и воплощать свою выгоду, агрессивной напористости и законопослушания, их тяготения во всем к «золотой середине»,

способности к компромиссам, когда это выгодно. Им недостает нашей духовности, широты и открытости, выносливости, способности к выживанию в экстремальных ситуациях, неприхотливости и непокорности. Отсюда следует только один вывод: обе подсистемы европейской христианской культуры — и западная и восточная — должны сотрудничать, учиться друг у друга, а не навязывать свои стандарты как единственно верные. К сожалению, западные политические элиты упорно продолжают навязывать свои специфические ценности не только в качестве общеевропейских, но и как «общечеловеческие» ценности. Этот путь бесперспективен, и рано или поздно окончится тем, чем всегда оканчивались подобные глобальные поползновения, — фиаско. Мы же должны продолжать учиться у других культур, и не только у западноевропейской, ни на минуту не забывая о собственной культурной идентичности, оставаясь самими собой. Необходимо уяснить, что прокламируемые многими авторами в качестве базовых ценностей «свобода, равенство, социальная справедливость» — не есть базовые ценности, а бессодержательные абстракции. Ибо каждый социальный субъект вкладывает в них разное, отвечающее его интересам содержание. Свобода — от чего и для чего? Равенство — кого с кем? Социальная справедливость — в чем и для чего? Базовыми ценностями могут быть только общеприемлемые

интерпретации этих абстракций. Они вырабатываются социальной практикой, а дело ученых-гуманитариев — обобщать эту практику в интересах большинства (и всегда учитывая наличие некоего меньшинства, которое тоже часть народа). Обобщать и формулировать, но не навязывать. Наш восточнославянский менталитет всегда отторгает все принудительно навязываемое.

Наконец, если мы обратимся к базовым основам собственно белорусской этнической культуры, то обнаружим те же общевосточнославянские черты. Но века политического разделения Руси не могли не сказаться: одни из этих основ оказались ослаблены, другие усилены, появилось и нечто новое (не всегда лучшее), не присущее другим восточным славянам. Так, многовековое господство иноплеменной и иноверной государственной власти в Беларуси, утрата высшего социального слоя, предавшего веру, культуру и язык предков, усиление социального гнета национально-религиозным привело к ослаблению государственного начала в белорусской культуре. Зато усилило народную общинность, соседскую взаимопомощь.

Романтические попытки представить польских магнатов Беларуси в качестве носителей белорусской этнической государственности, которые усилиями определенной части современной интеллигенции приобрели характер навязчивой пропагандистской кампании (даже в государственных

СМИ), не имеют ничего общего с прозой реальной истории. Они не только являются издевательством над исторической памятью белорусского православного народа, но и отвергаются здравствующими (за пределами Беларуси) потомками Радзивиллов, Сапег и К⁰, необратимо и давным-давно усвоившими польскую этническую идентичность. Впрочем, с оформлением реальной национальной государственности государственное начало стало быстро укрепляться и в белорусской культуре, что демонстрирует, опять-таки, ментальную общность всех восточных славян.

Изначально присущий восточным славянам нравственный максимализм у белорусов оказался также ослабленным, а терпимость и уживчивость приобрели гипертрофированный характер пресловутой «памяркоўнасці» — готовности мириться с тем, с чем, по определению, мириться нельзя — лишь бы не тронули меня и мою семью («мая хата з краю»). И кто только на протяжении истории не эксплуатировал эту «памяркоўнасць»... Сужение патриотизма до своей округи — «мы тутэйшыя», духовное дробление Родины и в то же время резко возросшее значение православной религии как хранительницы этнической идентичности, как единственного объединяющего этнос начала. Для белоруса «русский» и «православный» — абсолютные синонимы, как «католик» и «поляк». На белорусских землях церковь хранила и внедряла

высокие нравственные ценности, укрепившиеся в сознании белорусов, может быть, глубже, чем во многих других регионах православного мира.

Ослабление связей общественных в белорусском социуме компенсировалось укреплением связей родственных и земляческих, что и сегодня отличает белорусов. И в этом есть как позитивная, так и негативная стороны. С одной стороны, это повышает жизнеспособность этноса, с другой — тормозит становление гражданского общества, порождает беспринципный протекционизм и клановость.

Жизнь на межкультурной грани наложила свой характерный отпечаток на белорусскую культуру. Появились черты западного расчетливого прагматизма, прижимистости, недоверчивости, мало свойственные другим восточным славянам (кроме западных украинцев — по сходным причинам). Сознание белорусов, в целом, достаточно консервативно, тяготеет к устойчивым формам бытия. Авантюризм для них не характерен. Эти черты, опять-таки, с одной стороны, создают препятствия для национальной консолидации, но, с другой, содействуют плавному, постепенному переходу к новой социально-экономической формации с удержанием позитивных достижений прежней. В целом, белорусская этническая культура, как и сама нация, еще находится в состоянии становления, контуры ее еще несколько размыты.

Необходимо заметить, что на исторической территории Беларуси развивалась не только белорусская, но и другие этнические культуры — польская, еврейская, татарская. Причем польская культура занимала со времени позднего Великого княжества Литовского господствующее положение, в эту культуру ушли и окатоличенные верхние слои самого белорусского этноса. Впоследствии это породило культурный раскол среди новой белорусской интеллигенции, две противоположно ориентированные национальные идеи. Этот раскол излечит только сама история и только на основе признания всеми слоями населения, независимо от их современного отношения к той или иной конфессии и религии вообще, восточнохристианской культурно-цивилизационной принадлежности белорусской нации. Другого пути нет. К этому надо стремиться, но это произойдет еще не скоро. Не следует выдавать желаемое за уже сущее. Сейчас государство не допускает прямой межконфессиональной конфронтации, и слава Богу. Но это положение еще не может считаться необратимым, ведь за существующей политической конфронтацией скрывается та же межконфессиональная конфронтация. К тому же следует напомнить: одна треть католических священников Беларуси (192 из 392 на 2003 г.) является иностранными гражданами, преимущественно Польши. И через католическую Польшу продолжается подспудное вмешательст-

во во внутренние дела белорусского государства, стимулируются, в том числе и финансово, прокатолические оппозиционные тенденции в белорусской науке и искусстве. И было бы непростительной близорукостью замалчивать эти процессы. Католицизм в Беларуси жаждет реванша, и он меняет только внешнюю форму своей политики, но не суть. И стоит лишь измениться политической конъюнктуре, и овечья шкура будет сброшена — и мы увидим столь знакомый нам в прошлом волчий оскал.

Необходимо также учитывать, что эстетические и национально-культурные характеристики исторических памятников не всегда совпадают. Красивы были и эсэсовские мундиры — тоже памятник истории. Памятники надо охранять все: история совершилась так, как совершилась, и ни одной страницы из ее скрижалей нельзя безнаказанно вырвать. Но им надо давать объективную оценку. Предметом гордости должно быть честное отношение к истории и хорошее состояние **всех** памятников.

в) Цивилизационная идентичность восточных славян

Третье фундаментальное основание белорусской национальной идеи — цивилизационная принадлежность белорусской нации.

Цивилизация — это форма материального бытия данной человеческой общности. Если культура — душа нации, то цивилизация — ее тело. Это вещный мир, рукотворная реальность бытия нации. Это и тип социальной структуры, закрепленный национальным правом. Цивилизация — тоже типологическое понятие, но, в отличие от культуры, современные цивилизации гораздо более унифицированы. Продукты технической цивилизации едины для всего человечества. Автомобиль — везде автомобиль, телевизор — везде телевизор. Да и производятся они обыкновенно в рамках мировой кооперации. И тем не менее, специфические черты функционирования этих продуктов технического прогресса задаются именно данной конкретной цивилизацией. Скажем, отношение к автомобилю американца и, например, англичанина, типологически различно. Для американца автомобиль — продолжение его тела, без него он себя ощущает калеккой. У англичанина отношение к автомобилю куда более прагматично — для него это, скорее, просто средство передвижения.

Культура и цивилизация — два наложенных друг на друга круга, не вполне совпадающих между собой, но и неотделимых друг от друга. В сегменте пересечения пролегает переходная область материальной, правовой и политической культуры, одновременно принадлежащая и культуре, и ци-

визации. Эта область может трактоваться и как культурная составляющая материальной и социальной структуры собственно цивилизации, и как специфическая область собственно культуры.

И у культуры, и у цивилизации всякой консолидированной общности — единый типологический фундамент, общая порождающая матрица, задаваемые стоящей у их истоков мировой религией, которая адаптирует и обобщает в себе итоги предшествующего ей развития. Культура способна распространяться и вне цивилизационных границ (так, носителями определенных национальных культур могут долго оставаться рассеянные по всему миру этнические диаспоры), но цивилизация всегда определяется границами. Мыслимо адаптироваться в иную культуру, не покидая своего места жительства, но чтобы стать частью другой цивилизации, надо переселиться на ее территорию, эмигрировать.

Белорусская нация — неотъемлемая составная часть восточнохристианской православной цивилизации. Цивилизация эта распространяется на восток Европы и северную треть Азии и поэтому часто определяется как евразийская. Нелишне напомнить, что север Азии осваивали все восточнославянские народы, а не только великорусы, это историческое достояние всего восточнославянского суперэтноса (и всех народов, веками живущих вместе со славянами). Это то достояние, каким будет прирастать в будущем, по словам великого славянина М.В. Ло-

моносова, общерусское могущество. И если кто-то мечтает о включении Беларуси в западную цивилизацию, то пусть не тешит себя пустыми иллюзиями. Один из классиков геополитики, американец Э. Хантингтон со знанием дела пишет: «Цивилизационная модель дает четкий исчерпывающий ответ на вопрос, стоящий перед жителями Западной Европы: “Где заканчивается Европа?” Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинается ислам и православие. Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы, именно его они в подавляющем большинстве поддерживают *sotte voce* (“про себя” — итал.), именно такой точки зрения придерживается большая часть интеллигенции и политиков»¹⁰.

Объективно, как уже не раз отмечалось, Восток и Запад европейской культурно-цивилизационной общности — две взаимодополнительные подсистемы. Между ними существуют как объединяющие общие черты, так и разъединяющие особенности, как притяжение, так и отталкивание. На современном этапе безусловно доминируют разъединяющие — вопреки утверждениям прекраснодушных политиков горбачевского типа (хотя не исчезают и объединяющие). И такое положение сохранится в обозримом будущем. Доминирование объеди-

---

¹⁰ Хантингтон Э. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 244.

няющих тенденций проявится, возможно, лишь в процессе нарастания мощи других, неевропейских цивилизаций — китайской, индийской, латиноамериканской, экспансивной мусульманской (хотя разделяющая тенденция не исчезнет и тогда). «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут», — эти слова великого поэта Р. Киплинга никто еще не опроверг.

Основные черты цивилизации являются материальным воплощением особенностей культуры данной общности, воплощением, никогда полностью не совпадающим с идеальным замыслом, ибо идеальное в культуре всегда содержит невоплотимый утопический компонент. Однако такой компонент остается маяком, вектором устремлений национального сознания.

Как уже отмечалось, цивилизация более унифицированное явление, нежели культура. И если помимо общевосточнославянской, славяно-русской культуры существует и собственно белорусская этническая культура, и даже культура отдельных исторических регионов внутри ее, то цивилизация для всех восточных славян практически едина. Контрпродуктивные утопические идеи о некоей отдельной белорусской цивилизации, которая не будет ни Западом, ни Востоком, а сама по себе, то есть будет неким соединительным мостом между великими цивилизациями, извлекая свою пользу и от тех и от других. Так лавировала Югославия И. Тито.

Какой трагедией для ее народов это закончилось, мы видели. А ведь Югославия была и много больше Беларуси, и была федерацией республик разной цивилизационной ориентации, что облегчало лавирование, и не находилась, как Беларусь, на осевой линии межцивилизационного противостояния, что само по себе исключает возможность сколько-нибудь длительного лавирования. Цивилизации — устойчивые базовые образования, и не возникают по человеческому произволу. На нашем континенте исторически сложились две цивилизационные системы, родственные, но разные. И все народы Европы принадлежат той или другой и существуют как таковые только в их пределах. О цивилизационной принадлежности Беларуси сказано достаточно, и неразумным прожектерам следует напомнить древнее изречение: «Тут Родос, тут и прыгай». У вас не будет другого места на земле и другого народа. Из этого и следует исходить.

г) Куда мы идем? Национальная мечта белорусской нации

И тут мы переходим к четвертому основанию национальной идеи — национальной мечте. И это ответ на вопрос: куда мы идем? За что мы готовы отдать все силы души и тела?

История доказала: подвигнуть народы на великие свершения может только великая, запре-

дельная мечта. Созидание сытого, комфортного закоулка, филистерского рая — мечта премудрого пескаря из щедринской сказки — никогда не вдохновляла восточных славян. Да и судьба определила нам такое место на земле, где подобные закоулки существовать не могут, даже если бы мы этого и захотели. Такие уголки в Европе, где это пока еще возможно, достались другим. Да и там сытость и комфорт достигнуты, но счастья как не было, так и нет. И лидируют благополучные шведы по числу наркоманов и самоубийц. Да и сдерживать поток иммигрантов из нищего инокультурного третьего мира становится все труднее. Нет, не хлебом единым жив человек.

Если мы хотим остаться самими собой, не превратиться во второсортный придаток, в прислугу «золотого миллиарда» западной цивилизации, мы должны быть сильными. Сила — единственное, что уважает и с чем считается экспансивный Запад не на словах, а на деле. А чтобы быть сильными, мы должны быть едиными.

Пресловутая «глобализация» меньше всего направлена на «взаимовыгодное сотрудничество», как мнится некоторым авторам. Это в современной ситуации «сотрудничество» лошади (весь мир, прежде всего, за пределами «золотого миллиарда», хотя и внутри его отнюдь не благодать) и всадника (транснациональные монополии, обслуживающие, прежде всего, США). Все иное — прекрасндуш-

ные либеральные мечтания, современная глобальная маниловщина. Мир ныне жесток и аморален, как никогда.

Следует иметь в виду, что в современном мире любая экономическая система способна быть самостоятельной только при наличии внутреннего рынка не менее 300 млн человек экономически активного населения. Только такие государства (союзы государств) могут играть мировую роль. Вырисовывается отчетливая перспектива — чтобы выстоять в мировой системе, прежде всего перед Северной Америкой, объединяющейся Западной Европой и быстро модернизирующимся Китаем, постсоветское цивилизационное и экономическое пространство должно быть реинтегрировано в новый межгосударственный союз. А ядром этого союза может быть только восточнославянский, русский союз из трех равноправных частей — Великороссии, Украины и Беларуси. Это сегодня не только мечта, а условие выживания. В.А. Мельник, чью позицию в данном случае мы полностью разделяем, констатирует: «Сохранить свою национальную идентичность в современном мире могут только те народы, которые объединяются в союзы государств, имеющие общее цивилизационное основание»¹¹. И еще: «Стратеги-

---

¹¹ Мельник В.А. Государственная идеология Республики Беларусь. Концептуальные основы. Мн., 2003. С. 145.

ческий разрыв с Россией означал бы не что иное, как отказ белорусов от своей цивилизационной идентичности, что было бы равнозначно самоуничтожению общности»¹².

В сущности, к той же цели — объединению — стремится и Европейский союз, но для него задача намного сложнее. Народы Западной Европы в Новое время никогда не составляли суперэтноса, несмотря на типологическое единство культуры и цивилизации. Более того, веками они враждовали между собой, вели кровопролитные войны. Именно в Западной Европе были развязаны и первая и вторая мировые войны. Восточные же славяне, несмотря ни на какие политические разделения, никогда не переставали ощущать себя суперэтносом. Они были ядром второй супердержавы, определявшей в течение полувека, наряду с США, ход мировой истории. И этот исторический опыт, несмотря на все современные потрясения, никогда не изгладится из их самосознания. Препятствуют сплочению Западной Европы и преобладание индивидуализма и национального эгоизма в их ментальности, в то время как для восточных славян характерны коллективизм, открытость и уживчивость в межэтнических отношениях. Всячески препятствует сплочению Западной Европы и ее заокеанское порождение — североамерикан-

---

¹² Мельник В.А. Указ. соч. С. 148.

ский колосс, который ощущает в объединенной Европе сильного экономического и политического соперника. США вторгаются и на постсоветское пространство, но здесь перспективы для них иные — если для западноевропейцев американцы, при всех противоречиях, **свои**, то для восточноевропейцев однозначно **чужие**. А чужих здесь долго никогда не терпели.

Во время гражданской войны в России вмешательство иностранных интервентов как союзников белых стало одной из решающих причин поражения белого движения. В Красную Армию тогда добровольно пошли даже идейные противники большевиков из числа старых военных специалистов: защита Родины от иноземцев для них оказалась важнее идейных разногласий. В годы Великой Отечественной войны коллаборационистов ненавидели еще сильнее, чем иностранных оккупантов, в них вообще не видели людей. Это следует напомнить к сведению тех, кто готов пойти в услужение к иноземцам ради подачек с барского стола. Так называемое «внешнее управление» в восточнославянском регионе никогда не будет принято народом.

В великое дело единения каждый восточнославянский народ должен сделать свой вклад, принести в общую копилку исторического опыта то позитивное, что было нажито за время отдельного существования.

Каким же видится белорусский вклад в наше общее будущее? Это и есть, в сущности, стратегический аспект государственной идеологии Республики Беларусь. Можно выделить три решающих направления белорусского опыта.

• Опыт сохранения позитивных достижений советского общества. В области социальной политики: поддержка слабо защищенных слоев населения, бесплатная медицина и образование, стремление не допустить безработицы и чрезмерного социального расслоения, недопущение социальной, межэтнической и межконфессиональной конфронтации, последовательная борьба с преступностью. В сфере экономики: сохранение государственного сектора, контролируемых государством крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, государственный контроль над частнопредпринимательской деятельностью. В области политической системы: сохранение четкой вертикали власти, сохранение управляемости обществом, недопущение противоправного разгула финансируемой извне деструктивной оппозиции, государственный контроль над средствами массовой информации. Сохранены и укреплены вооруженные силы и спецслужбы. В области культурной политики: государственная поддержка высокой культуры и спорта, борьба с пошлостью и культурной деградацией, захлестнувшими современную массовую культуру, государственные инвестиции в объекты

духовной и физической культуры — библиотеки, театры, филармонии, спорткомплексы и т.д. Последовательная государственная поддержка обоих государственных языков республики в средствах массовой информации, в книгоиздательстве и искусстве, выстраивание гармоничного баланса между ними.

- Опыт плавного, щадящего, без всяких «шоковых терапий», перехода к рыночной экономике. В Беларуси этот процесс не пущен на самотек и жестко контролируется государством. Здесь не допущена грабительская приватизация государственной (общенародной) собственности, не правит бал иностранный капитал, нет громадного внешнего долга, как это наблюдается в других странах СНГ.

- Опыт терпеливого налаживания эффективных интеграционных связей в постсоветском пространстве, и прежде всего с Российской Федерацией. Эти связи строятся на прочной равноправной основе как на общегосударственном уровне, так и региональном и на уровнях отдельных хозяйствующих субъектов. Беларусь уходит от необязывающих деклараций к устойчиво действующим практическим соглашениям. Формирующееся, несмотря на все внешние и внутренние препятствия, союзное государство России и Беларуси уже сейчас воспринимается как ядро будущего Великого Евразийского союза.

Разумеется, в процессе реализации этой политики допускалось и допускается немало ошибок — не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Здесь не место сосредоточиваться на этих просчетах. Главное, что они осознаются и исправляются. И делается это достаточно гласно.

Многое из белорусского опыта на наших глазах берется на вооружение в России и других государствах СНГ. В то же время сама Беларусь активно воспринимает позитивный опыт других. И эти тенденции взаимосближения и взаимообогащения нарастают.

Будущее — в единстве, а не в разобщении. В древней летописи сказано: «На нерусской земле русскому князю места нет». И был изгнан из рода, стал изгоем Иван Берладник, польстившийся на чужеземный стол. И это верно до сих пор: восточным славянам места в Западной Европе нет. И не надо обольщаться лукавыми посулами, пора раз и навсегда усвоить: они губельны. Беларусь будет всемерно развивать взаимовыгодные экономические, политические и культурные связи и с Западной Европой, и со всем остальным миром. Но на равноправной основе, как суверенная часть восточнохристианской цивилизации, не поступаясь собственной государственностью.

Вокруг понятия суверенитета в последнее время наломано немало копий. Уточним это понятие. Суверенитет — верховная власть над государствен-

ной территорией, и в этом смысле он недискутируемая ценность каждого народа. Но при этом следует помнить: абсолютного суверенитета не бывает, любое международное соглашение уже есть ограничение суверенитета. Страна принимает на себя определенные обязательства, расторгнуть которые она может только на оговоренных соглашением условиях. Важно только, чтобы были соблюдены две посылки: во-первых, соглашение должно быть добровольным, а не принудительно навязанным, и, во-вторых, отвечать интересам данной страны. Конечно, при этом всегда приходится идти на взаимные компромиссы. Вступая в конфедеративные или федеративные связи с другой страной (странами), государство не теряет суверенитет, а лишь делегирует некоторые суверенные функции совместным надгосударственным органам. И здесь действуют те же условия, что и при любых межгосударственных соглашениях, — добровольность и национальный интерес.

Юридически Беларусь обладает суверенитетом со времени образования первого белорусского государства — БССР — с 1919 г. Она сохраняла суверенитет и в составе СССР, одним из государств-учредителей которого она стала. После второй мировой войны, в 1945 г., она являлась одной из стран-основательниц Организации Объединенных Наций, что утвердило международное признание ее суверенитета. Другое дело, что в условиях тоталитаризма

литарного режима сформировался неоправданный переко́с в сторону союзного центра. Но и при этом своего суверенитета республика не утрачивала никогда.

Ограничение суверенитета стран-участниц Европейского союза в пользу общеевропейских органов в ряде отношений существует еще больше, чем это было в Советском Союзе. Но при этом никто не кричит о потере суверенитета западноевропейскими странами. А вот единение Беларуси и России — это, оказывается, потеря белорусского суверенитета. Белорусский суверенитет понимается только как предельное отталкивание от братской России. Чьи уши торчат в данной пропагандистской кампании — очевидно. Уши врагов славянства и их пятой колонны. Так что давно пора расставить все точки над «i» и начать последовательно утверждать в общественном сознании объективные представления о понятии суверенитета, окончательно выбить почву из-под ног идейных провокаторов.

В современном мире решительно доминируют объединительные тенденции, ибо только на путях интеграции можно быть конкурентоспособным. Иначе неизбежно оттеснение на мировую обочину. Понятно, почему нас всячески толкают к разединению: чтобы вытеснить на задворки мировых процессов, превратить в источник дешевого сырья и рабочей силы для «золотого миллиарда». Такой

судьбы мы для себя ожидаем? Если нет — объединение должно для нас стать ценностью № 1. Жалкий эгоистический местечковый псевдопатриотизм должен остаться в прошлом.

На наших глазах потускнела американская мечта, а американское отношение к миру прошло путь от эгоистической самоизоляции (доктрина Монро) до открытых агрессивных притязаний на мировое господство (последняя доктрина Буша). Это гибельный путь в никуда.

Потускнела и великая советская коммунистическая мечта построения безбожного рая на земле. Она также приобрела экспансивный характер, истощила советский народ, не принесла счастья и другим народам, оказавшимся в ее орбите, и надорвалась в невиданной историей гонке вооружений. Да и безбожие, как оказалось, ведет в нравственный тупик. Религия столь же неустранимая форма человеческого сознания, как и все прочие, более того, она первична по отношению к ним.

Итак, куда же идти? В чем наша великая мечта сегодня? Янка Купала мечтал, чтобы Беларусь заняла «свой пачэсны пасад» среди народов земли. Но почетное место она может занять только вместе со всей русской цивилизацией, иначе высосут, как паук муху, если что и останется, то только пустая оболочка.

Русская цивилизация имеет свое уникальное положение в мире. Она должна воплотиться в об-

щество, в котором будут доминировать духовные ценности, а материальное производство и потребление будут иметь характер разумной достаточности, а не потребительской крысиной гонки, и будут предельно щадящими по отношению к природе. Общество, в котором не будет нищенствующих, но не будет и миллиардеров. Общество, в котором шаг за шагом будет осуществляться известная мечта восточных славян о справедливости. Общество, в котором будут культивироваться высокие нравственные ценности, а не моральная и физическая разнузданность, разврат и насилие, захлестнувшие ныне массовую культуру, где будет возрожден культ семьи — основной ячейки всякого здорового социума, и будет жестко пресекаться преступность. Общество, в котором не будет места межконфессиональной, межэтнической и социальной вражде и где права граждан из декларируемых начнут превращаться в реальные. Общество, которое будет привлекать к себе примером, а не насильственной экспансией, где сила будет применяться только для защиты и никогда — для нападения.

Выращивание такого общества (мы отвергаем всякие «построения» и «перестройки» по отношению к обществу — «строить» можно механическую систему, а не живой организм, каковым является человеческое общество) будет встречать огромные препятствия, и внутренние, и внешние.

Это потребует огромного труда, самоотверженности и терпения. Но нам дарованы реальные условия для достижения поставленной цели — необъятная территория, неисчислимы природные ресурсы, мужественный стойкий народ с высоким творческим потенциалом. Эта мечта достойна великого народа.

Но в борьбе за эту мечту нельзя отрываться от грешной земли. Ни на минуту нельзя забывать, что социальное государство — это государство, в котором совокупный интерес народа однозначно превалирует над частными интересами отдельных групп и лиц, включая и корпорацию государственных чиновников. А это мало провозгласить. Это требует терпеливого выращивания гражданского общества и механизмов его взаимодействия с государством. И такие механизмы должны быть выработаны на нашей собственной культурно-цивилизационной основе, их нельзя ниоткуда заимствовать — работать не будут. Не говоря уже о том, что и заимствовать-то неоткуда... Во всем западном мире, даже в самых благополучных уголках его, царит капитал, какими бы декорациями он ни был обставлен. Не смог решить эту проблему и государственный социализм советского общества, что и явилось глубинной причиной его гибели. Взрастить подлинное социальное государство — эта наша вековая мечта еще ждет своего воплощения.

Большое сомнение вызывают распространившиеся в последнее время рассуждения о «социальном партнерстве». Кого с кем? «Социальное партнерство» — партнерство волков и овец, слоган социального обмана. Конечно, в природе устанавливается некое равновесие хищника и жертвы, когда и популяция волков (но отнюдь не каждый конкретный волк) сыта, и популяция овец цела (но отнюдь не каждая отдельная овца, ибо волки при любом раскладе продолжают кушать овец и на вегетарианский рацион никогда не перейдут). Равновесие это зыбкое, и если оно нарушается, то исчезновение грозит в первую очередь овцам: у них, в отличие от волков, нет альтернативы. Так и капитал, сожрав одну общественную страту, скажем, традиционное крестьянство или мелких предпринимателей в той или другой отрасли, перейдет на другие. Жертву же, как и волк, он всегда найдет, если не пойти на него с облавой. Речь должна идти не о мифическом «партнерстве», а о **защите** труда от хищного по своей природе капитала. Независимо, кстати, от формы собственности, ибо государственный капитал (он же государственный социализм) может эксплуатировать похлеще частной корпорации, в чем у нас было время убедиться.

Если государство объявляет себя социальным — значит оно должно опираться на людей труда и ограничивать (разными способами) аппе-

титы капитала во имя социальных программ. Если же «либерально-демократическим» — наоборот, социальные программы будут ущемляться во имя интересов капитала. (Здесь мы не касаемся авторитарных режимов, которые могут иметь или первую, или вторую направленность, но, в отличие от демократических, ориентируются прежде всего на административно-принудительные методы.)

Для современных буржуазных демократий характерна цикличная смена одной направленности другой, обычно воплощаемая двумя ведущими партиями, поочередно приходящими к власти, — двухпартийная система. В ходе этих «качелей» выпускается пар социального напряжения и движется вперед экономика. И тем не менее, ведущими остаются интересы капитала, вынужденного идти на социальные уступки только ради самосохранения.

Однако двухпартийную систему нельзя насадить директивно, она должна вырабатываться исторически. Конечно, идеологи обоих направлений вносят в этот процесс свою лепту, стимулируя одно и тормозя другое. Но в любом случае для становления двухпартийной системы нужны поколения людей и цивилизационные предпосылки. Вопрос о том, возможно ли формирование такой системы в восточнославянском регионе, остается открытым. Не следует упускать из виду, что наиболее успешно работающая в современном мире модель стран Юго-Восточной Азии зиждется фактически на од-

нопартийной основе. Уравновешивающую социально-экономическую политику, оказывается, вполне возможно проводить и в однопартийных рамках. С другой стороны, нельзя забывать, что цивилизационно восточным славянам присущи авторитарные, патерналистские формы власти.

Но любое государство — это чиновники, сплоченные своим корпоративным интересом и всегда склонные к коррупции. (Коррупция — это не столько вульгарное взяточничество, сколько вообще использование своего служебного положения в личных или групповых целях.) Поэтому последовательная защита интересов труда невозможна без участия общественных институтов гражданского общества, и прежде всего профсоюзов. Огосударствленные профсоюзы справляются с этой задачей плохо, оставаясь, по сути, приводным ремнем власти. Поддержка профсоюзами государственной политики в области трудовых отношений всегда должна быть условной (в смысле «на определенных условиях»), а не соглашательской («социальное партнерство»). И свои условия профсоюзы должны диктовать достаточно жестко, добиваясь для людей труда максимума возможного в существующих условиях. И только такая деятельность, а не умозрительные декларации и определяет — профсоюзы перед нами или их имитация. Речь не идет об обязательной конфронтации профсоюзов и власти, о чем кричали в 1990-х гг.

некоторые политики, речь идет о противостоянии труда и капитала. Одно дело — государство как представитель общенациональных интересов, а другое дело — государство как работодатель. И нельзя допускать смешения понятий. Соглашаясь с государством в первом отношении, профсоюзы отнюдь не всегда должны соглашаться с ним во втором. Так, если государство платит своему чиновнику в несколько раз больше, чем учителю или врачу, то это явная социальная несправедливость, с которой соглашаться нельзя. В круг деятельности профсоюзов и других общественных организаций входит не только конфронтация со всем, что ущемляет социальную справедливость, но и повседневный терпеливый поиск конструктивных путей урегулирования обстановки. Однако без способности к конфронтации любая общественная организация бессильна и скатывается или на продуцирование пустых деклараций, или на роль служанки властей предрержащих. Добро должно быть с кулаками. Это и о профсоюзах тоже. Кстати, «беззубые» профсоюзы бесполезны не только для собственных членов, но и для самой власти, которая при отсутствии достойного оппонента теряет и мускулы, и чувство меры. Опирается можно только на то, что оказывает сопротивление. И этот закон природы не обойти.

Социальное партнерство возможно и желательно между государством и гражданским обществом,

но не между трудом и капиталом, антагонистическими по своей сути. И как будет преодолеваться этот антагонизм, покажет будущее, а сейчас это лишь область мечты.

И в завершение несколько слов о государственной молодежной политике — сюжет, остро затрагивающий студенческую среду. В этой сфере накопилось немало проблем. Первой из них является проблема стартовых условий для самореализации молодого поколения. Она включает вопросы государственной поддержки молодых семей, жилья для них, трудоустройства. Наконец, стимулирование самоорганизации молодежи. Эта проблема перекликается с проблемой поздней социализации молодых людей в современном обществе, постоянно удлиняющихся сроков получения образования. В результате выпускники учебных заведений выходят в самостоятельную жизнь в возрасте, в котором, скажем, в XIX в. люди давно уже достигали прочного общественного и материального положения — в рамках своей социальной страты. (Большинство генералов Отечественной войны 1812 г. были моложе 30 лет). Да и социалистическая модернизация XX в. совершалась, в основном, и руками, и под руководством людей того возраста, которые ныне сидят в учебных аудиториях, в большинстве своем на иждивении пожилых родителей, нередко уже пенсионеров. И ведут при этом беспорядочный образ жизни. Инфантилизм, без-

ответственность и установка не столько на личный труд, сколько на родительскую и вообще внешнюю поддержку, претензии на еще не заработанный и не заслуженный жизненный уровень, установка на необременительный, но обязательно высокооплачиваемый труд и неразборчивость в средствах для достижения этого стали характерны для значительной части молодежи. Это, с одной стороны, ведет к нравственной деградации, и, с другой, делает такую молодежь удобным орудием в руках бессовестных, но финансово обеспеченных политиков, проектирующих всевозможные «цветные» революции на постсоветском пространстве. И то, и другое, по меньшей мере, опасно. (Думали ли, например, «революционные» студенты на киевском майдане, на какие средства были обустроены палаточные городки, на чьи деньги их кормили, поили и развлекали? Во имя какой, столь щедро оплаченной, «демократии» это все творилось? Увы, не были они приучены честно зарабатывать свой хлеб.)

Нельзя забывать старую мудрость: голодному надо давать не рыбу, а удочку и уголье для ловли. То, что дается без труда, всегда мало ценится. Молодым людям необходимо создавать условия для подработки во время обучения, чтобы они могли содержать себя сами и поменьше претендовали на еще не заработанные блага. Воспитывать в них социальную ответственность и человеческое

достоинство, исключаящее существование взрослого здорового человека за чужой счет. Государство должно обеспечивать первое рабочее место в соответствии с общественной необходимостью, работой на котором молодой человек возмещает затраты на образование. (Затраты на обучение так называемых «платников» в государственных вузах также не покрываются их взносами. Для выпускников этих отделений срок обязательной отработки может быть меньше, но не должен отменяться совсем.)

Нетерпимо также положение, когда учиться идут не ради приобретения по-настоящему желанной и отвечающей характеристикам личности данного человека профессии, а лишь бы продлить беззаботную жизнь не за свой счет, ради уклонения от военной службы, получить не сами профессиональные знания, а лишь свидетельство о них, чтобы уклониться от необходимого обществу физического труда.

Государство не должно жестко навязывать профессиональную структуру обучения, но оно должно стимулировать прежде всего общественно востребованные профессии. Существовавшая в советское время система профориентации школьников разрушена, а взамен ничего толком не создано, дело пущено на самотек. Не нужно умиляться числом студентов в стране: количество здесь ничего не решает. Важно, **на кого** учат-

ся и как учатся. Ненормально, когда происходит перепроизводство «непыльных», с точки зрения маменькиных сынков и дочек, профессий: наспех кое-как подготовленных юристов, экономистов, менеджеров и т.д., целыми выпусками поступающих на биржу труда или же правдами и неправдами пристраивающихся не по специальности. Общество не может себе позволить таких непроизводительных затрат.

Но, с другой стороны, наше еще не богатое общество, не может себе позволить и такого положения, когда богатое зарубежье на корню скупает лучших выпускников наших вузов по дефицитным специальностям, — так называемой «утечки мозгов». Немалые затраты несет беднейшая сторона, а пользуется их результатами богатейшая. Лучшим выпускникам, доказавшим свой творческий потенциал, надо создавать необходимые условия, не считаясь с затратами, — затем они непременно окупятся сторицей. Надо усиливать патриотическое воспитание, в настоящее время серьезно запущенное. Человек должен активно стремиться применять свои способности прежде всего на Родине. Непатриотично еще более обогащать богатых чужаков за счет своей бедной страны, вместо того, чтобы делать богаче прежде всего собственную отчизну.

Необходимо ускоренно формировать систему долгосрочного льготного кредитования молодежи

для приобретения жилья и на семейное обустройство. Затем кредиты должны неукоснительно выплачиваться, как это и практикуется во всем мире. Человек должен трудиться в полную меру своих сил. При соблюдении необходимых условий: рождение детей свыше одного, производственных и общественных заслугах и т.д. — часть кредита может погашаться. Кредитовать молодых специалистов должны не только государство, но и частные структуры, заинтересованные в их услугах. Государство должно контролировать и поощрять эти процессы через систему налогообложения, различные преференции и т.п.

Ментальные различия поколений неизбежны, но нельзя допускать, чтобы они доходили до разрыва и противопоставления. Идеальный социум — это социум, в котором разумно сочетаются инициативность и амбициозность младших поколений с опытом и мудростью старших. Перекосы в этом отношении всегда непродуктивны, а часто и опасны. Эти процессы ни в коем случае нельзя пускать на самотек. В основе молодежного движения должна лежать самоорганизация, а не директивы сверху, но самоорганизация при доброжелательной помощи «взрослых» организаций и государства. Наилучший вариант, видимо, это автономные молодежные филиалы серьезных конструктивных общественных организаций. Как в свое время существовал комсомол при КПСС. Ныне опыт ком-

сомола все более востребуется, он пережил советскую власть и вполне вписывается в современную ситуацию. В области молодежного движения у нас еще непочатый край работы. И не только в области государственной политики, основные направления которой обозначены выше. Необходимы усилия самой молодежи, прежде всего той ее части, что не приемлет бездумное копирование западного потребительского эгоистического общества, тех, кто сохраняет социальное достоинство и приверженность к родным традициям. А таких немало. И именно они должны стать ядром белорусского молодежного патриотического движения, повести за собой если и не всю, то большинство молодежи. Ведь кроме личной самореализации и обустройства собственного благополучия, молодые люди должны постоянно помнить, что не за горами время, когда им придется взвалить на свои плечи судьбу страны, принять на себя всю меру ответственности за народ, нацию. И никто за них этого не сделает. Не расточать, а приумножать наследство старших поколений. А к этому надо себя смолоду целенаправленно готовить. И здесь важно не поддаться на демагогическое подстрекательство ангажированных антибелорусскими силами нечистых на руку политиканов, избегать болезни экстремизма. Молодая энергия должна направляться не на разрушение, а на созидание. Да, не все еще у нас так, как хотелось бы, многое еще надо исправить, и голос молодежи

нечего и думать, а лишь думать весело. Но подлинно народная политика не делается бунтами, горький опыт XX столетия убеждает в этом. Только позитивная работа в правовом поле дает долгосрочные прочные результаты. Поэтому воспитание и **самовоспитание** молодежи не менее важно, чем материальная поддержка, которая без этих условий может быть не только малоэффективной, но и принести обратный результат. От «Иванов, родства не помнящих», ничего хорошего ждать не приходится.

Обозначенные проблемы решаемы только в том случае, если в их обсуждение и решение будет вовлечено все общество, а не только власть и политически активное меньшинство населения. Ведь судьба наших детей и внуков — судьба нашего будущего, и это касается буквально всех, независимо от социального положения и политической активности.

К сказанному примыкает проблема социального сиротства. В стране больше сирот при живых родителях и беспризорников, чем было после страшной войны. Это нетерпимый позор, когда более 70% выпускников детских домов-интернатов пополняют ряды асоциальных элементов и лишь менее трети адаптируется в нормальное общество (общедоступная статистика). Выпускники основанных в XVIII в. при Екатерине II воспитательных домов для сирот-подкидышей практически полностью приобщались к тому или иному ремеслу и по-

лучали свое место для честной трудовой жизни¹³. Неужели мы в XXI в. не можем достичь того, что было в крепостнической Российской империи? Не говоря уже о том, что еще недавно ни родственники, ни сельские общества не бросали на произвол судьбы осиротевших детей. Какие это «права человека» — бездельничать, пьянствовать, развратничать, бродяжничать и плодить ущербных, больных детей-инвалидов, чтобы посадить их затем на шею обществу... Такое поведение должно быть признано преступным, со всеми отсюда вытекающими последствиями. И нечего оглядываться на западных учителей демократии: они в свое время стадию собственных Гаврошей, Оливеров Твистов, законов о бродягах и работных домах проходили не менее, а более жестко. Доживем и мы до более благополучных времен, но сейчас наши болезни никто, кроме нас самих, не излечит.

Немало и других проблем входит в сферу государственной идеологии Республики Беларусь, но их целесообразно рассматривать в других специальных курсах, нельзя охватить все в одном издании. Здесь должно быть только самое необходимое, позволяющее понять существо национальной идеи белорусской нации.

---

¹³ Питомец воспитательного дома Щуровский в начале XIX в. стал даже доктором медицины, профессором Московского университета.

Послесловие

Итак, основания национальной идеи белорусского народа в основном совпадают с основаниями национальной идеи народов-братьев — русских и украинцев. Это идея восточнославянского единства, идея Русского мира — носителя оригинальной подсистемы европейской христианской культуры и цивилизации, связывающей Европу и Азию на громадном Евразийском пространстве. Именно здесь классики геополитики помещают центр мира — Хартленд. И от устойчивости этого центра зависит все мировое равновесие. И никто, кроме Русского мира, не может обеспечить эту устойчивость. Такова историческая миссия восточных славян. И только в этом качестве они интересны и значимы для остального мира. Превращение Беларуси или Украины в еще одну периферийную пристройку к Западной Европе, которая никогда не примет их на равных де-факто, даже если провозгласит это равенство де-юре, всегда будет воспринимать как прислугу «настоящих» европейцев, губительно. Это будет означать утрату ими мирового значения, а затем и национальной идентичности. Надо утвердить как аксиому: только

в рамках Русского мира могут адекватно решаться проблемы суверенитета Беларуси и ее самобытной этнической культуры. Ну, станет больше еще одной Словакией или Польшей. Русского мира убавится, Западной Европы не прибавится. Мы никогда не устанем повторять: только как единый народ (суперэтнос) восточные славяне что-то значат в этом мире. И если мы патриоты Белой Руси, то будем всегда помнить об этом. А если готовы продать первородство за чечевичную похлебку, как библейский Исав, то нечего тогда вообще рассуждать о национальной идее.

Литература

1. **Александрова, А.Б.** Молодежные проблемы / А.Б. Александрова // Аналитический бюллетень. — М., 1997.
2. **Алексеева, Т.** Национальная идеология : иллюзия или непонятная потребность / Т. Алексеева // Октябрь. — 1997. — № 1.
3. **Антонович, И.И.** После современности. Очерки цивилизации модернизма и постмодернизма / И.И. Антонович. — Минск, 1997.
4. **Антонович, И.И.** Социодинамика идеологии / И.И. Антонович. — Минск, 1995.
5. **Бабосов, Е.** Цивилизационный выбор Беларуси / Е. Бабосов // Беларуская думка. — 2001. — № 3.
6. Белорусская модель развития : теория и практика. — Минск, 2003.
7. **Вирилло, П.** Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вирилло. — М., 2002.
8. **Глушков, Л.Е.** Вызов времени : Беларусь на пороге тысячелетий / Л.Е. Глушков. — Минск, 1999.
9. **Гумилев, Л.Н.** Ритмы Евразии / Л.Н. Гумилев. — М., 1993.
10. **Гумилев, Л.Н.** Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. — Л., 1989.

11. **Данилевский, Н.Я.** Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н.Я. Данилевский. — СПб., 1889 (1995).
12. **Данилов, А.Н.** Власть и общество : Поиск новой гармонии / А.Н. Данилов. — Минск, 1998.
13. **Демчук, М.И.** Республика Беларусь : системные принципы устойчивого развития / М.И. Демчук, А.Т. Юркевич. — Минск, 2003.
14. **Земляков, Л.Е.** Религиозные процессы в Республике Беларусь. Принципы государственно-правового регулирования / Л.Е. Земляков. — Минск, 2001.
15. **Зеньковский, В.В.** История русской философии : в 2 т. / В.В. Зеньковский. — Л., 1991.
16. **Зиновьев, А.** Запад. Феномен западнизма / А. Зиновьев. — М., 1995.
17. **Иванов, В.Н.** Технология политической власти. Зарубежный опыт / В.Н. Иванов [и др.]. — Киев, 1994.
18. История Беларуси : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования: в 2 ч. / Я.И. Трещенок, А.А. Воробьев, Н.М. Пурышева, М.И. Матюшевская ; под ред. Я.И. Трещенка. — Могилев, 2005. — Ч. 2.
19. **Кара-Мурза, С.** Идеология и мать ее наука / С. Кара-Мурза. — М., 2002.
20. **Карскі, Я.** Беларусы / Я. Карскі. — Мінск, 2001.
21. **Князев, С.Н.** Управление : искусство, наука, практика : учеб. пособие / С.Н. Князев. — Минск, 2003.

41. **Сташкевич, Н.С.** Исторический путь белорусского народа / Н.С. Сташкевич, В.Е. Козляков // Белорусская думка. — 2003. — № 9–10.
42. **Тихомский, А.И.** Этноконфессиональные отношения в обществе и их влияние на национальную безопасность республики / А.И. Тихомский. — Минск, 2003.
43. **Тойнби, А.Дж.** Цивилизация перед судом истории / А.Дж. Тойнби. — СПб., 1995.
44. **Токвиль А., де.** Демократия в Америке / А. де. Токвиль. — М., 1992.
45. **Трещенок, Я.И.** История Беларуси : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений : в 2 ч. / Я.И. Трещенок ; науч. ред. М.И. Матюшевская. — 2-е изд. — Могилев, 2004. — Ч. 1.
46. Ценностные ориентации белорусской молодежи на рубеже XXI века : материалы конф. — Могилев, 1998.
47. **Хантингтон, С.** Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Полис. — 1994. — № 1.
48. **Шпенглер, О.** Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. — Минск, 1998. — Т. 1. Образ и действительность.
49. **Яковлев, А.И.** Государственная идеология / А.И. Яковлев. — Калуга, 2001.
50. **Ясперс, К.** Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М., 1990.

Содержание

Введение.....	3
Глава I	
Государственная идеология и национальная идея. Соотношение понятий.....	11
Глава II	
Политика, идеология, наука. Соотношение понятий....	37
Глава III	
Национальная идея белорусской нации.....	51
1. Историческое вступление	53
2. Основания белорусской национальной идеи.....	71
а) Восточнославянский суперэтнос.....	71
б) Культурная идентичность восточных славян	76
в) Цивилизационная идентичность восточных славян	98
г) Куда мы идем? Национальная мечта белорусской нации	103
Послесловие.....	128
Литература	130

Научное издание

Трещенок Яков Иванович

**Государственная идеология и национальная идея
Республики Беларусь**

Редактор *А.А. Воробьев*

Дизайн *Л.В. Леденевой*

Корректор *Н.Б. Сидорова*

Компьютерная верстка *Е.В. Криводубской*

Подписано в печать 26.03.2008. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Литературная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,14. Уч.-изд. л. 4,21. Тираж 1000. Зак. 2575

Учреждение образования

«Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова»

ЛП № 02330/0133256 от 30.04.2004

212022, Могилев, ул. Космонавтов, 1.

Отпечатано с диапозитивов РУП «Издательский центр
Белорусского государственного университета»

ЛП № 02330/0056850 от 30.04.2004

220030, Минск, ул. Красноармейская, 6

в УПКП «Могилевская областная укрупненная
типография имени Спиридона Соболя»

ЛП № 02330/0056604 от 16.02.2004

212030, Могилев, ул. Первомайская, 70.